

ИУДА ПРЕДАТЕЛЬ.

(Продолженіе).

„Тогда, повѣствуетъ ев. Матѳей *увидавъ Иуда предатель о* παραδοὺς αὐτόν *НАС* др. *о* παραδοὺς αὐτόν В. L др. Вг Ит qui eum tradidit, Саг. Копт. Сир. геракл. іер, во син. и пеш: *предатель*), *что осужденъ Иисусъ, раскаявшись* (Н* раскаялся, Таццанъ у Ciasca опускаетъ и у Ефр. Сир: actus dolore abiit—подвигнутый скорбію—очевидно по соображеніямъ догматическаго характера о невозможности истиннаго раскаянія для предателя, но Сир. син и іер „раскаялся“, а пеш какъ Ефр: „раскаялся и отошелъ“, очевидно—отъ архіереевъ,—о раскаяніи говорится и у Епифанія Наег. 38, 7, какъ и во всѣхъ другихъ текстахъ греч. и перев.) *возвратилъ* (ἐστρέψε одни, ἀλέστρεψε др. лат. *d* misit, *vg.* и *it* retulit) *тридцать* (τὰ τριάκοντα—тѣ взятые тридцать сребренниковъ,—ни болѣе, ни менѣе) *сребренниковъ архіереемъ и старшинамъ, говоря: согрѣшилъ я, предавъ Кровь Невинную* (ἀθῶον *НАВ*С* др. мн. унц. мин. всѣ, Сир пеш и геракл и греч геракл. на полѣ Гот Ориг 1, 396. В въ ркп. и IV, 435. С, Евс. Dem. Ев. 480. D, Епиф. Наег. 38, 7, Кир іер 189, Злат. др. и Слав.) или др. чт: *Правую* (δίκαιον В2 на полѣ, L. Саг. Копт. Сир син „*кровь Праведнаго*“ іер „*правую*“, Ефр Сир Тац. и Ciasca: sanguinem iustum, Вг. Иг и *d*, Арм. Ориг во мн. м. Кипр Testim. 2, 14 Гилар. 746. D, Люциф 221,—въ Эѳіоп. имѣются оба чтенія—по Тишендорфу и Tregelles’у). *Они же сказали, что намъ?* (букв: къ намъ, въ отношеніи насъ? т. е. что намъ до этого? Развѣ это касается насъ?). *Ты* (σύ—выразительное противоположеніе „намъ“; „ты самъ, а не мы“) *смотри* (долженъ смотрѣть—ὄφει *НАВС...* др. *ὄφει* Сир Ефр и Пеш: *зналъ*—nosti.

לִּפְנֵי פָנָי, но Син. и Геракл. *увидишь*—буд. съ греч. *ὄφει* и *ὀφει*, букв. *знать* לִּפְנֵי פָנָי, но іерус. כִּרְפָּן פָּנָי—*ты увидишь*). И бросивъ серебрянники (כ и нѣк. приб. опять: *тридцать*) въ храмъ (*εἰς τὸν ναόν* СВ др. Гот. Эе.) или „въ храмъ“ (*ἐν τῷ ναῷ* АС др. Сир. геракл. Ит. Вг. Въ Сир. син и пеш *כְּלִי בַּיָּד* іерусал. כְּלִי בַּיָּד, первое соотв. и греч. *τὸ ἱερόν*, а второе равно греч. *ναός*.—въ обоихъ текстахъ стоитъ предлогъ כ) *удалился* (*ἀπεχώρησεν*, С. *ἀπεχώρησεν*, т. е. очевидно изъ храмовыхъ зданій въ городъ, домой, на квартиру) и, *ушедши* (съ квартиры, изъ мѣстопробыванія своего въ Іерусалимѣ), *удавился*“.

Каждое слово этого евангельскаго повѣствованія обилуетъ данными, бросающими лучъ на темную исторію Предателя.

И прежде всего, это выразительное „*тогда*“—именно *послѣ* синедріонскаго суда и *до* суда у Пилата—въ евангеліи, дающемъ идейно-прагматическое сочетаніе рѣчей и событій (*συνηκίστατο* или *συνηρόφωτο*) въ отличіе отъ неимѣющаго такой упорядоченности Маркова евангелія (*οὐ μίτοι τάξει*—у Папія). Іуда зналъ конечно, что у синедріона было отнято римлянами право смертной казни (Ін 18, 31 и Талм. см. выше). Пилать могъ оправдать Христа, не найдя въ обвиненіи, предъявленномъ синедристами, состава уголовного преступленія, наказуемаго смертію (Ін 18, 38; 19, 4. 6 др.). Значить раскаяніе и самоубійство Іуды евангелистъ ставитъ въ идейно-прагматическую связь не съ смертію *Невиннаго Праведника* непосредственно, а съ *осужденіемъ* Его, и именно *синедріономъ*—архіереями, старшинами и книжниками (Мѣ 27, 1-2 ср 26, 57), а не Пилатомъ. Для Іуды имѣетъ значеніе не то, что Преданный имъ осужденъ на смерть, въ чемъ Іуда ни минуто не могъ сомнѣваться, предавая Христа синедріону,—а то, что „*онъ увидѣлъ*“ на синедріонскомъ судѣ, осудившемъ Христа,—беззаконіе суда. Наблюденіе это тѣмъ важнѣе, что Іуда вѣроятно присутствовалъ и на судѣ у Пилата и удавился уже послѣ окончательнаго осужденія Господа на распятіе, а можетъ быть даже и послѣ самого распятія и смерти Христа. По крайней мѣрѣ столь древній памятникъ, какъ Таціановъ Діатессаронъ, помѣщаетъ евангельское повѣствованіе о раскаяніи и смерти Іуды послѣ осужденія Господа Пилатомъ на распятіе (Ефр Concord. Moes. p. 239 ср. 238 и Араб. Ciasca § LI p. 90).

Не менѣ замѣчательно и „*идѡν*“. Не *γινώσκ*—*узнавъ* отъ дру-

ТИХЪ, или *ἀκούσας*—*услыхавъ*, а именно самъ непосредственно. *своими глазами увидавъ* или *самолично узнавъ*, что Иисусъ осужденъ (ср. такое значеніе *ἰδών* у Ін 20, 29 и Мѣ 16, 28; 23, 39; 24, 15; 27, 49; 28, 6. 17 др. под.). Значить: Іуда присутствовалъ на синадріонскомъ судѣ, слѣдилъ за процессомъ, постигъ самолично все лицедѣйство, безвѣріе, эгоизмъ и низость судей.

Повторное „*ὁ παραδίδως* или *παραδούς αὐτόν*—*предавшій Его*“, прекрасно комментируемый въ Сирскомъ синайскомъ и пещинитѣ: „предатель“ (ср. *ὁ βαπτίζων* Мк 1, 4 вм. *ὁ βαπτιστής*), выразительно отлѣняетъ противоположность между прежнимъ предателемъ („я вамъ предаю Его“) и теперешнимъ несчастнымъ грѣшникомъ—самоубійцею („сагрѣшилъ я, предавъ“...).

„Осужденъ—*κατεκρίθη*“—вообще признанъ виновнымъ, а не особо—на смерть. Смертный приговоръ, самъ по себѣ, не могъ бы поразить Іуду своею неожиданностью,—онъ былъ уже заранѣе объявленъ,—и прежде не разъ синадріоналы покушались подвергнуть Христа смертной казни безъ суда. Предавая судьямъ лжемессію, Іуда долженъ былъ знать что ждетъ предаваемого Учителя. Замѣчательно: евангелистъ не говоритъ „на смерть“, а только вообще „осужденъ“. Слѣдовательно противоположностію можетъ служить только „оправданъ“¹⁾. Послѣ того, что видѣлъ и слышалъ Іуда на синадріонскомъ судѣ, онъ естественно долженъ былъ ждать оправданія Христа, объявленія Его *δικαίον* или *ἀθώον*, что сдѣлалъ нѣсколько часовъ спустя болѣе безпристрастный язычникъ—судья Пилатъ (ср. Мѣ. 27, 24 Ін. 18, 38; 19, 4. 6). Судьи не обнаружили во Христѣ никакой вины, достойной осужденія. Обвиненіе въ богохульствѣ было притворнымъ, придирчиво казуистичнымъ и явно недобросовѣстнымъ, сами же судьи были и свидѣтелями и обвинителями. Синадріонъ не проявилъ, во имя чего онъ осуждаетъ Христа, ибо сами заправили суда, архіереи—саддукеи, не вѣрили въ мессію, правду, промыслъ. Всякій безпристрастный свидѣтель синадріонско-архіерейскаго суда, а тѣмъ болѣе Іуда, надѣявшійся полу-

¹⁾ Вѣроятно недоумѣніемъ по поводу отсутствія этого „на смерть“ при „осужденъ“ надо объяснять, что уже въ древности при *κατεκρίθη* подлежащимъ нѣкоторые считали самого Іуду Origen. Comm. Ser. in Matth. § 117 Migne, 13, 1767. В—С.

читать отъ него какія либо откровенія и разъясненія мучительныхъ сомнѣній, имѣлъ всѣ права ожидать, что преданный имъ Подсудимый, какъ не уличенный въ лжемессіанствѣ, будетъ объявленъ „невиннымъ“ или „правымъ“ и свободнымъ отъ суда и наказанія. Но чего не сдѣлалъ пристрастный и недобросовѣстный судъ, то взялъ на себя самъ же несчастный предатель, въ трагическомъ ужасѣ сознанія совершенной имъ непоправимой ошибки.

Евангелистъ выразительно говоритъ, что предатель „*раскаялся*—*μεταμελήθει* или *μετεμελήθη*“,—*μετά* и *μέλομαι*: перемѣняю настроеніе—въ отношеніи къ чувству и волѣ (Мѣ 21, 30. 32; 2 Кор 7, 8 и Евр 7, 21 изъ Пс. LXX),—вполнѣ синонимиченъ съ *μετανοεῖν*: перемѣняю настроеніе ума, мысли, взгляды, сужденія. У LXX обоими глаголами безразлично передается евр. нифаль отъ נָחַם. Но въ новозавѣтномъ языкѣ замѣтно наклоненіе къ такому различенію обоихъ синонимовъ: *μεταμέλομαι* имѣетъ общее значеніе перемѣны настроенія и относится къ отдѣльнымъ и частнымъ актамъ,—а *μετανοεῖν* указываетъ на перемѣну собственно въ религіозно-нравственной жизни, и именно въ хорошую сторону, почему нерѣдко соединяется съ другимъ синонимомъ, опредѣляющимъ положительную сторону перемѣны: *ἐπιστρέφειν* и даже *πίστεύειν* (Мѣ 3, 2; 4, 17; 11, 20. 21; 12, 41; Дн 3, 19; 26, 20 др.). Сирскіе тексты передаютъ *μετανοεῖν* чрезъ ܢܚܡ—евр. נִחַם, а *μεταμέλομαι* чрезъ ܢܠܡ=ܢܠܡ, но Сир. іерус. употребляетъ этотъ послѣдній глаголъ и для *μετανοεῖν* (Мѣ 3, 2 и 4, 17), слѣдовательно не дѣлаетъ никакого различія между обоими терминами. Такимъ образомъ настроеніе Іуды по отношенію ко Христу теперь перемѣнилось въ противоположное тому, какое было у него, когда онъ говорилъ: „я вамъ предаю Его“ и „радуися Учитель“. Но если давать значеніе указанному отгѣнку въ различіи *μεταμέλομαι* отъ *μετανοεῖν*, то перемѣна въ настроеніи Іуды не имѣла за собою хорошихъ и положительныхъ слѣдствій въ религіозно-нравственномъ настроеніи Іуды. Предатель „*раскаялся*“, но не „покаялся и обратился или увѣровалъ“,—созналъ свой грѣхъ или ошибку преданія Невинной Крови судьямъ недостойнымъ, но не увѣровалъ во Христа какъ Мессію и не обратился къ Нему (ср. о Каинѣ Быт. 4, 13 по Вг и Рус. пер. и Прем. Сол. 4, 20).

„Возвратилъ тридцать сребренниковъ архіереямъ и старши-

намъ“. Это выразительно даетъ видѣть, во 1-хъ, что сребренники не были главнымъ мотивомъ предательства, ибо настоящій сребролюбецъ не возвратитъ разъ взятыхъ денегъ,—притомъ Іуда зналъ, что предастъ Христа на смерть, почему и осужденіе Христа не могло повліять на возвращеніе денегъ за предательство,—во 2-хъ, что кромѣ этихъ, выразительно упомянутыхъ евангелистомъ, сребренниковъ Іуда не бралъ еще ничего отъ архіереевъ за свою измѣну. Когда Іуда *увидаль (ιδών), отъ кого и за Кого* взялъ онъ эти жалкіе гроши съ лицедѣйно-кощунственной символическою рабскою цѣны, то это сознаніе своей ошибки или грѣха подавило въ немъ страсть сребролюбія. Сребролюбецъ былъ побѣжденъ въ Іудѣ сознаніемъ громадности и непоправимости совершенной неправды и гнусности всего дѣла съ Кровью Невинною. Іуда предавалъ Христа и бралъ за это рабскую цѣну въ сознаніи служенія мессіанской идеѣ, ибо думалъ, что предастъ лжемессію во имя истиннаго Мессіи. Когда же онъ увидалъ, что тѣмъ, кому онъ вручилъ жизнь Преданнаго Учителя, совсѣмъ и не вѣрятъ въ мессію, а только хитростію купили предателя для своихъ личныхъ цѣлей, тогда сознаніе всей этой лжи, непоправимой ошибки, гнусности и неправды, стыдъ и раскаяніе сдѣлали то, что эти сребренники теперь жгли руки и сердце предателя. Это была уже не награда съ священно-символическимъ значеніемъ за „Божье дѣло“ отъ религіозныхъ авторитетовъ и политическихъ заправиль націи, а цѣна сыщика и гнусность тайнаго агента шайки безвѣровъ, интригановъ, нигилистовъ и разбойниковъ куже всякаго Вараввы,—для коихъ Кесарь выше Мессіи и Іеговы,—заботы о личномъ благополучіи и политика выше жизни-смерти человѣка, независимо отъ его праведности (ср. Ін. 11, 49—51).

Покаянныя слова Іуды представляютъ полный глубокаго трагизма и отчаянія вопль „сына погибели“.

„*Согрѣшихъ—ἥμαρτον*“ или „совершилъ грѣхъ—*ἁμαρτίαν*“: сознаніе ошибки, заблужденія, преступленія, грѣха въ области нравственно-религіозной. Предавая Христа, Іуда думалъ, что творитъ „правду Божию“. А теперь онъ видитъ, что совершилъ „грѣхъ“, неправду, нравственно-религіозное преступленіе. Иисусъ—не лжемессія,—архіереи—не Божьи слуги,—ягѣтъ закона, храма, религіи,—всего, чему доселѣ вѣрилъ,—

остался и есть только „грѣхъ“—непоправимый, ужасный, гнусный.

„*Предавъ*“: Іуда не уменьшаетъ и не скрываетъ своего грѣха, прямо называя себя предателемъ. „*Предамъ*“ обратилось въ „*предавъ*“. И это теперешнее „*предавъ*“ онъ высказываетъ съ тою же ясностью и прямою, какъ и прежде „*предамъ*“. Когда Іуда говорилъ „*предамъ*“, онъ вѣрилъ въ мессію, въ архіереевъ, въ синедріонъ, храмъ, религію. А въ теперешнемъ „*предавъ*“ слышится утрата этой вѣры, потеря мессіи, закона, религіи. Въ своемъ сознаніи Іуда теперь не различаетъ мессію отъ лжемессіи, для него нѣтъ совѣсть мессіи,—нѣтъ ни архіереевъ, ни преданнаго лжемессіи,—остался только одинъ онъ—Іуда предатель, самъ съ собою, съ своею совѣстью, съ ясновидѣніемъ своей подлости и огромнымъ чувствомъ своей гнусности,—вмѣсто прежняго „творца правды Божіей“—гнусный „предатель“, жалкое орудіе безсердечныхъ интригановъ, подлый „сыщикъ“ наглыхъ самолюбивъ. Ужасъ отчаянія былъ слѣдствіемъ этого.

„*Кровь невинную или правую или праведника*“. Когда Іуда говорилъ: „я вамъ *предамъ* Его“, онъ думалъ, что предастъ „*кровь повинную*“, достойнаго смерти лжемессію—*ἑρῶον* или *ἄτιον* или *ἄξιον θανάτου* (ср. Мѡ 26, 66 Мк 14, 64 Лк 23, 15. 22)¹⁾. Термины *ἀδῶς* и *δίκαιος* совершенно равнозначущи и параллельны (ср. Исх. 23, 7 Второз 27, 25 Дан Сусан. 53 по LXX и Θεод.), различаясь только какъ положительное и отрицательное обозначеніе качества. Предатель не говоритъ: „Мессію—Христа—Помазанника“. Въ такомъ случаѣ онъ увѣровалъ бы въ Преданнаго, какъ Сына Божія и Христа,—и это уже было бы не *μεταμεληθεὶς* или *μεταμέλεια*, а *μετανοῆσας* или *μεάνοια*. Для фанатизма Іуды могъ быть только или національный мессія—царь, или никакого мессіи. *Своего* мессію во Христѣ онъ началъ терять уже давно (Ін. 6, 61—71) и постепенно (Ін 12, 1 сл. Мѡ. 26, 6 сл. и пар. Мк). На си-

¹⁾ Кровь въ значеніи насильственного прекращенія жизни, насильственной смерти, убійства: Мѡ. 23, 30. 35; 27, 6. 8. 24 25. Лк. 11, 50. 51; Дн 1, 19; 5, 28; 6, 6 10; 17, 6; 19, 6. 24; 19, 2; 20, 2. 26; 22, 20 Рм. 3, 15 Евр. 12, 4 Апок. 16, 6 Параллель къ *αἷμα δίκαιον* Мѡ. 23 35,—къ *ἀδῶς* Мѡ 27, 24 у LXX=יָד вѣ связи съ *αἷμα* объ убіеніи 1 Цар. 19, 5 ср. 25, 26 31: 4 Цар 21, 16; 24. 4; 2 Пар 36. 5 Псал. 93. 21; 105. 38 Іерем 7, 6; 19. 4; 22 3. 17; 33 (26). 15: 1 Макк 1. 37; 2 Макк 1. 8

недріонскомъ и архіерейскомъ судѣ потерялъ онъ совѣсть мессію, всякую вѣру мессіанскую, сталъ невѣромъ (*ἄπιστος*). Но потерявъ національную религію, предатель не утратилъ нравственнаго сознанія или совѣсти человѣческой,—общечеловѣческой способности различать добро и зло, правду и кривду, невинность и преступность. Вмѣсто того, чтобы быть „вѣстниками Бога, блюстителями закона и проповѣдниками правды“ (Малах. 2, 7), синедристы и архіереи оказались явными рабами кривды и беззаконія, судьями неправедными, *κρίται τῆς ἀδικίας* или *ἐργάται ἀδικίας* (Лк 13, 27; 18, 6). Напротивъ, преданный Учитель стоялъ въ сознаніи Іуды какъ Невинная Жертва безсовѣстной интриги неправыхъ судей и наглыхъ политикановъ. Въ эту минуту предъ духовнымъ взоромъ Іуды долженъ былъ встать нравственный образъ Учителя во весь ростъ: Его кротость, снисходительность, любовь, самоотверженіе и пр. пр.—Праведникъ изъ всѣхъ праведниковъ, коихъ праведная кровь была пролита на землѣ, какъ жертва человѣческаго эгоизма и жестокости, отъ крови Авеля праведнаго до Захаріи, умерщвленнаго между храмомъ и жертвенникомъ (Мѣ 23, 35). Но все же это не былъ для Іуды мессія,—носитель и осуществитель тѣхъ національных идеаловъ, какихъ вмѣстѣ съ іудейскимъ народомъ ждалъ Іуда отъ „Второго Избавителя“.

И не затѣмъ, конечно, шелъ Іуда къ архіереямъ, чтобы убѣдить ихъ въ невинности Осужденнаго и измѣнить приговоръ или по крайней мѣрѣ отсрочить исполненіе. Комедія синедріонскаго суда съ достойной его прелюдіей у архіерея Анана должна была убѣдить Іуду въ полнѣйшей невозможности этого. Какъ утопающій, Іуда хватался за послѣднюю соломинку надежды—поискать спасеніе отъ гибели у тѣхъ, кто властвовалъ надъ религіозною и политическою совѣстью націи. Предатель могъ думать, что своимъ рѣшительнымъ признаніемъ беззаконности суда и заявленіемъ невинности Осужденнаго онъ побудитъ архіереевъ разрѣшить сомнѣнія мятущейся совѣсти предателя и раскрыть ему тайну этого явно неправаго суда. Быть можетъ это были только формальныя вольности и кажущіяся отступленія отъ закона изъ-за спѣшности дѣла во имя высшей, архіереямъ доступной, правды Божіей, во славу и подъ знаменемъ истиннаго мессіи, при очевидномъ лжеимссіанствѣ Назарет-

скаго Учителя?!.. Иуда могъ и имѣлъ правождать разъясненій отъ архіереевъ, ибо „уста священника должны хранить вѣдѣніе и закона ищутъ отъ устъ его, потому что онъ вѣстникъ Господа Саваова“ (Малах. 2,7),—надѣялся, что архіереи раскроютъ ему всю, имъ извѣстную и отъ простецовъ скрываемую, правду, во имя коей дѣйствовалъ предатель и судьи.

Но и здѣсь предателя ожидало полное разочарованіе.

Для политиканствующихъ невѣровъ и безсердечныхъ интригановъ было также мало дѣла до Иуды, какъ и до осужденнаго Христа, и вообще до мессіи, до правды. Желаніе и совѣтъ Каиафы исполнились: одинъ человѣкъ умереть и спасетъ отъ римлянъ народъ и привлеченное положеніе архіереевъ. Ихъ сердца и совѣсть нисколько не трогаются тѣмъ, что къ „Невинной Крови“ преданнаго Учителя теперь готова присоединиться еще виновная и „грѣшная кровь“ предателя—ученика. „Что намъ (ср. Ін. 21. 22. 23)? Ты смотри (ср. Мѡ. 27, 24. Дн. 18, 15).

Отвѣтъ, по своему нравственному цинизму, жестокой безчеловѣчности и чудовищному эгоизму вполне достойный тѣхъ, кто давалъ совѣтъ умертвить одного человѣка для предотвращенія осложненій съ мощнымъ Римомъ! Ни намекъ на правду Божию, мессію,—во имя чего Иуда совершалъ свое гнусное предательство!.. Въмѣсто успокоительной надежды полное отчаяніе для предателя! Кровь Праведника предана и продана за жалкіе гроши невѣрамъ-нигилистамъ, грубымъ матеріалистамъ, слугамъ эгоизма и мамоны, лицедейно прикрывающимся архіерействомъ! Маска снята, „Шипящій Змѣй“ предсталъ теперь въ подлинномъ своемъ отвратительномъ и ужасномъ видѣ. Это цинично-наглое и безсердечно-эгоистичное „что намъ-то? смотри самъ“ совсѣмъ доконало несчастнаго предателя.

IX. Самоказнь предателя. „И бросивъ (ρίψας —ρίπτω: быстро бросаю, повергаю въ море Дн. 17, 2; 27, 19. 29 или на земь ср. Мѡ. 15,30 Лк. 4,35. Дн. 22,33 ср. καθες αὐτοὺς εἰς τὸ χεῖρον τήριον и ἐνέβαλον αὐτοὺς εἰς τὸν οἶκον κυρίου εἰς τὸ χεῖρον τήριον Зах: 11,13) серебрянники (τὰ ἀργύρια т.-е. тѣ упомянутые, или какъ ѵ и ѳк: тѣ тридцать, слѣдовательно опять и выразительно только тридцать сиклей, не болѣе и не менѣе) въ храмъ (εἰς τὸν ναόν—одни) или „въ храмъ“ (ἐν τῷ ναῷ др.),

удалился (*ἀνεχώρησεν*) и, отошедши, удавился (*καὶ ἀπὸ τοῦ ἀνιψίστου*)¹.

Разночтеніе *εἰς τὸν ναόν*—въ храмъ и *ἐν τῷ ναῷ*—въ храмъ не имѣетъ экзегетическаго значенія, если конечно не перетолковывать первое въ смыслъ: на храмъ, для храма. Всѣ сирскіе тексты, удерживающіе предлогъ *נ*, склоняются къ мысли, что въ еврейскомъ оригиналѣ Матѳея стоялъ этотъ предлогъ. Притомъ психологически затруднительно допустить, чтобы въ минуту смертельнаго отчаянія Іуда могъ заботиться объ употребленіи, послѣ его смерти, предательской платы. Ев. Матѳея, какъ и другіе новозавѣтные писатели, строго различаетъ *τὸ ἱερόν* — всѣ постройки, террасообразно, по уступамъ холма, возвышавшіяся на храмовой горѣ и образовывавшія дворы съ разными зданіями, между коими были и помѣщенія для синедріона и жилища архіереевъ, начальниковъ, священниковъ, левитовъ и пр.,—и *ὁ ναός*—собственно храмъ, на самой верхней площадкѣ горы,—огромное зданіе около 70—80 аршинъ высоты, состоявшее изъ притвора (порталь) и двухъ залъ—святилища и святаго святыхъ¹).

Итакъ, по ясному сообщенію евангелиста, изъ помѣщенія синедріона (ст. 3) или изъ квартиры архіерея (ст. 6), находившихся въ *το ἱερόν* въ, Іуда проникаетъ въ самый храмъ—*ὁ ναός* или домъ Божій—*οἶκος κυρίου*, недоступный для мірянъ. Мало того, бросивъ тридцать сребренниковъ въ храмъ, предательскую цѣну Невинной Крови,—Іуда не побоялся этимъ осквернить національную святыню. Онъ и теперь дѣйствуетъ также смѣло, быстро и рѣшительно, какъ и во время предательства. Какъ тогда, забывъ праведника и учителя, предатель видѣлъ во Христѣ только лжемессію, достойнаго быть преданнымъ на смерть, безсильнаго противъ толпы,

¹) См. къ *τὸ ἱερόν* Мѳ. 4, 5.—21, 12 14. 15. 23,—24, 1,—26, 55—о дворахъ и пристройкахъ,—и 12, 5. 6—вообще о всѣхъ храмовыхъ постройкахъ; напротивъ *ναός* вездѣ въ собственномъ и тѣсномъ смыслѣ храма: Мѳ. 23, 16. 17. 21. 35. особенно,—26, 61, 27, 40. 51 У другихъ новоз. писателей: *ναός* всегда въ тѣсномъ смыслѣ Мк 14, 58; 15, 29. 38 Лк. 1, 9. 21 22; 28, 45 Ин. 2, 19. 20 21,—*τὸ ἱερόν*—Мк. 11, 11. 15 16 27 Лк. 1, 27. 37 46; 4, 9; 18. 10; 19, 45. 47; 20, 1; 21, 5. 37. 38; 22, 53; 24, 53 Ин. 2. 14 15. 5, 14; 7, 14. 28; 8, 20. 59; 10, 23; 11, 56; 18, 20 Дн. 2, 46; 3, 1. 2. 3. 8. 10; 4, 1; 5, 20. 21 24. 25 42; 21 26—30; 22, 17; 24, 6. 12. 18; 26, 21,—1 Кор 9, 13

предательскаго поцѣлуя и притворнаго привѣтствія: такъ теперь онъ не имѣетъ страха смерти за оскверненіе святаго мѣста. Для него теперь нѣтъ храма, святыни, законовъ. Есть только сплошная мерзость запустѣнія невѣровъ архіереевъ во всемъ—въ храмъ, богослуженіи, судѣ. Безчестная цѣна за гнусное преданіе Невинной Крови вполне достойна этой мерзости запустѣнія на святомъ мѣстѣ!

Бросивъ деньги въ храмъ, Іуда „удалился“ — ἀπεχώρησεν (С: ἀπελθών). Такъ обычно употребляется этотъ глаголъ у Мѳ., ¹⁾ а иногда частнѣе—удалился въ мѣсто, откуда пришелъ.—возвратился ²⁾ „И отошедши, удавился“. Это двойственное указаніе: „удалился“ и „отошедши“ даетъ видѣть, что евангелистъ имѣетъ въ виду два удаленія Іуды, съ промежуткомъ времени между „удалился“ изъ храма и отъ архіереевъ къ себѣ, въ свое жилище, и „отошедши“—очевидно изъ своего жилища, изъ дома, вонъ изъ города и под. Легенда знаетъ даже многолѣтній промежутокъ послѣ преданія Господа и до смерти предателя. Но евангельскій рассказъ со всею непосредственною очевидностью предполагаетъ смерть предателя въ одинъ день со смертію Преданнаго. А это ведетъ къ мысли, что между ἀπεχώρησεν и ἀπελθών Іуда присутствовалъ и на судѣ надъ Христомъ у Пилата. И въ такомъ случаѣ получаетъ достаточное обоснованіе не только экзегетическое, но и изъ преданія, помѣщеніе евангельскаго рассказа о раскаяніи и смерти Іуды послѣ суда у Пилата—въ Таціановомъ Діатессаронѣ. Поэтому мы не считаемъ слишкомъ большею вольностью предположить, что Іуда былъ на судѣ Пилата надъ Христомъ, и удавился послѣ этого суда.

Потерявъ вѣру, предатель не утратилъ совѣсти. Въ немъ осталось сознаніе гнусности преданія Невинной Крови. Но эта кровь была только предана Іудой и приговорена синедріономъ, а не пролита еще. Синедріонъ не имѣлъ права предавать смертной казни. Приговоръ могъ быть исполненъ только послѣ провѣрки и утвержденія Пилатомъ. Послѣднее соломиною утопавшаго въ отчаяніи предателя могла быть

¹⁾ Мѳ. 2, 12 14 22; 4, 12; 9, 14; 12, 15; 13, 14; 14, 13; 15, 21 Мк. 3, 7 Ін. 6, 15.

²⁾ Мѳ. 2, 12 13 Также въ значеніи *удеинился* въ Дѳ. 23; 19; 26, 31.

также и надежда на оправданіе Невинной Крови Праведника язычникомъ Пилатомъ. И дѣйствительно, изъ евангельскаго описанія суда у Пилата видно, что вѣсы суда долго колебались за и противъ Подсудимаго. Еще бы, кажется, немного что, и вмѣсто умытія рукъ въ знакъ невинности Подсудимаго Пилатъ объявилъ бы Его свободнымъ отъ суда. Но жертва Невиннаго Агнца за спасеніе міра была отъ вѣчности опредѣлена Божественнымъ Совѣтомъ, и распятіе Христа „свершилось, да сбудется Писаніе“.

Впрочемъ, и независимо отъ знакомства Іуды съ судомъ у Пилата, этотъ процессъ имѣетъ существенное значеніе для ближайшей характеристики Подсудимаго и Его синедріонскихъ судей. Въ евангельскомъ повѣствованіи объ этомъ судѣ (Мѡ 27, 2—26 Мк 15, 1—15 Лк 23, 1—25 Ін 18, 28—19, 16) предъ нами выступаютъ три стороны: Обвиняемый Христосъ, обвинители архіереи и судья Пилатъ.

Положительную и безусловно правую сторону, какъ и въ синедріонскомъ процессѣ, представляетъ Обвиняемый и Судимый Господь. Какъ пророчественно-типическій *Рабъ Божій*, Онъ страдалъ добровольно за грѣхи людей и подобно агнцу непорочному не отверзалъ устъ Своихъ предъ обвинителями и судьями (Иса. 53 гл.). Правда кричала сама за себя. Христа привели не обвинять и судить, а казнить и умертвить. Всякая защита противъ безсовѣстныхъ обвинителей предъ надменнымъ и слабовольнымъ судьей была бы бесполезна и недостойна Подсудимаго Праведника. И потому, какъ и въ синедріонѣ, Онъ молчалъ и въ преторіѣ. И только тогда отвѣрзалъ Свои уста, когда правда Божья того требовала, именно Пилату на вопросъ: Ты Царь Іудейскій? (Мѡ 27, 11 Мк 15, 1 Лк 23, 3 Ін 18, 33—37) и о власти (Ин 19, 10—11). Здѣсь такимъ образомъ во всей незатѣнимой яркости и со всѣмъ трагическимъ ужасомъ вставала предъ Іудею „ошибочно или грѣховно (согрѣшилъ я) преданная имъ Невинная Кровь Праведника“. Добровольно страждущій Праведникъ-Богочеловѣкъ стоялъ здѣсь во всемъ своемъ трагическомъ величіи, какъ исторически и теологически необходимая жертва („ты не имѣлъ бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебѣ свыше“ и „да сбудутся писанія“), за грѣхъ міра для жизни и спасенія людей, для правды въ нихъ, вѣры, надежды, любви,—какъ основныхъ началъ жизни

дѣйствительной, претворяющихъ и возрождающихъ плотяно-душевнаго человѣка въ тѣлесно-духовнаго, плоть въ тѣло, а душу въ духъ.

Противную сторону представляютъ обвинители Христа, архіереи во главѣ народныхъ старшинъ-князей съ толпами сторожей и челяди: какъ и въ синадріонѣ, они и здѣсь совсѣмъ не входятъ въ существо дѣла, имъ нужна только кровь Христа,—кровь, во что бы то ни стало и возможно скорѣе, лишь бы спасти свое благополучіе и свои привилегіи. Разсчитывая на безхарактерность и лѣность, а можетъ быть и на надменность римскаго вельможи, для коего дѣла іудеевъ не стоили времени,—они на вопросъ Пилата: „какое обвиненіе предъявляете на человѣка сего?“ потребовали простаго только утвержденія своего приговора: „если бы не былъ сей злодѣемъ, тебѣ мы не предали бы Его“ (Ін. 18, 29—30). Такимъ порядкомъ можетъ быть велись дѣла уже не впервые, такъ можетъ быть судили Варавву и двухъ разбойниковъ.

Замѣчательно настойчивое молчаніе евангелій объ участіи фарисеевъ въ обвиненіяхъ Христа архіереями и старѣйшинами предъ Пилатомъ. Исключеніе представляетъ только Лк 23, 10: „стояли же архіереи и книжники, усипенно обвиняя Его“, но не предъ Пилатомъ язычникомъ, а правителемъ Галилеи Иродомъ, причемъ выраженіе „усипенно обвиняя Его“, какъ относящееся вмѣстѣ къ архіереямъ и книжникамъ, можетъ и не касаться „книжниковъ“, кои могли ограничиваться только присутствіемъ (*εἰστί/κεισαν*). Да и *ὑραγματεῖς* далеко не тождественно съ *φариσαῖοι*, ибо эти ученые законовѣды могли быть и изъ саддукеевъ-архіереевъ. Это и понятно. Весь процессъ суда надъ Христомъ въ синадріонѣ и у Пилата представляетъ полное поправленіе уголовного фарисейскаго кодекса (трактатъ „синадріонъ“) и слѣдовательно былъ дѣломъ архіереевъ и народныхъ князей-старшинъ, а не фарисеевъ. Вѣроятно, какъ не имѣвшее въ синадріонѣ вѣса меньшинство (ср. Дн. 23, 6 сл.), фарисейская партія занимала пассивное положеніе и не имѣла вліянія на ходъ дѣла. Можетъ быть и даже весьма вѣроятно, они и совсѣмъ не присутствовали на судѣ у Пилата, такъ какъ это былъ уже не синадріонскій судъ, гдѣ они участвовали по обязанности судей, а простая политическая затѣя и интрига, чтобы

добиться у Римскаго начальника утвержденія и исполненія синедріонскаго приговора надъ Христомъ. Этотъ выводъ имѣеть тѣмъ большее значеніе въ виду того, что евангелисты, особенно Матѣей и Маркъ, выразительно называя всѣхъ членовъ синедріона—архіереи, старшины (князья) народные и книжники, умалчиваютъ совсѣмъ о книжникахъ и часто и о старѣйшинахъ, когда говорятъ о судѣ у Пилата. Такъ у Мѣ 27, 1. 12. 20 *οἱ ἑρχιερεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι τοῦ λαοῦ*—у Пилата, а въ синедріонѣ, кромѣ архіерея Каіафы, упоминаются выразительно *οἱ γραμματεῖς καὶ οἱ πρεσβύτεροι* 26, 57. То же у Мк. 14, 53—54 и 15, 1 о синедріонѣ: кромѣ архіерея Каіафы „всѣ архіереи и старшины и книжники—весь синедріонъ“,—а у Пилата 15, 3. 11: обвиняють одни „архіереи“. У Лк. 22, 66 о синедріонѣ: *τὸ πρεσβύτεριον τοῦ λαοῦ ἑρχιερεῖς τε καὶ γραμματεῖς—τὸ συνέδριον αὐτῶν*,—а Пилатъ созвалъ только *τοὺς ἑρχιερεῖς καὶ τοὺς ἄρχοντας καὶ τὸν λαόν*—безъ „книжниковъ“ (23, 13). У Іоанна называются вообще и неопредѣленно „Іудеи“ (18, 39; 19, 7. 12. 14. 15), — тѣмъ выразительнѣе его сообщенія, что „распи, распи“ кричали именно „архіереи и слуги“ ихъ — *οἱ ἑρχιερεῖς καὶ οἱ ἐπῆρεται ἐκράβυσαν*, а цинично нигилистичное „не имѣемъ царя кромѣ Кесаря“ отвѣчали одни „архіереи“—*οἱ ἑρχιερεῖς* (Ін. 19, 6. 15). Несомнѣнно по крайней мѣрѣ то, что книжники и фарисеи не принимали никакого дѣятельнаго участія ни въ обвиненіи Христа предъ Пилатомъ, ни въ возбужденіи толпы требовать распятія Іисуса.

Но сверхъ ожиданія Пилатъ выступилъ на сей разъ рѣшительнымъ представителемъ правосудія и закона. Одну изъ интимныхъ причинъ этой, вѣроятно необычайной для Пилата, энергіи въ защитѣ Обвиняемаго отъ самоволія вліятельныхъ главарей націи евангелисты вскрываетъ намъ въ женѣ Пилата, іудеянкѣ родомъ, сочувствовавшей галилейскому Праведнику и во снѣ страдавшей за Него этой ночью. Привыкшему къ строгой законѣрности суда римлянину не могли также не броситься въ глаза эта ужъ чрезчуръ торопливая быстрота, отсутствіе законной мотивировки и нахальная требовательность въ столь важномъ дѣлѣ, какъ смертная казнь. Изъ слуховъ о Христѣ, изъ бесѣды съ Нимъ на судѣ и изъ поведенія обвинителей болѣе безпристрастный и привыкшій уважать законы язычникъ увидалъ, что все дѣло не въ

правдѣ и законѣ, а въ личныхъ счетахъ, въ зависти, въ желаніи избавиться отъ непріятнаго возбудителя религіознаго сознанія въ народѣ и неизбѣжнаго слѣдствія этого— паденія привеллигированнаго положенія архіереевъ и князей со всѣми многочисленными штатами ихъ прислужниковъ и челяди. Пилать требуетъ точно формулировать обвиненіе. Но „шипящій змѣй“ не былъ застигнутъ врасплохъ. Обвинители указали не только на свой законъ, по коему Подсудимый долженъ умереть, потому что объявилъ Себя Сыномъ Божиимъ или Мессією (Ин. 19, 7 ср. выше о синадріонскомъ судѣ), но и приготовили такую формулу, что могла бы вести къ смертной казни даже и по римскому закону (Лк 23, 2.5: „развращаетъ націю нашу и запрещаетъ подати Кесарю платить и называетъ Себя Христомъ Царемъ... волнуетъ народъ Своимъ ученіемъ по всей Іудеи, начавъ съ Галилеи и до сюда“).

Первое обвиненіе, если бы даже было искренно и истинно, чего однако же, какъ мы знаемъ уже (см. выше о синадр. судѣ), нельзя сказать, не имѣло значенія для римскаго прокуратора, такъ какъ смертные приговоры онъ налагалъ только по римскому закону. Притомъ онъ зналъ уже, что и по іудейскому закону обвинители осудили Христа „по зависти“ (Мѣ 27, 18 Мк 15, 10) и недобросовѣстно. Пилату не могли быть неизвѣстны разномысліе и споры по самымъ существеннымъ вопросамъ вѣры и нравственности между іудейскими богословами и законовѣдами—фарисеями, саддукеями и ессеями, — эти многочисленные школы Гиллеловъ, Шамаи, Іудъ, Матѣевъ и другихъ учителей, коихъ однакожъ не обвиняли и не казнили. Дѣло, очевидно, было не въ „идеяхъ“ или „ученіи“, а въ личностяхъ, въ „зависти“. Поэтому Пилать объявилъ обвинителямъ: „вы представили мнѣ Человѣка Сего, какъ развращающаго народъ, и вотъ я предъ вами, изслѣдовавъ, ни одной не нашелъ въ Человѣкѣ Семъ вины, въ коихъ вы обвиняете Его... ничего достойнаго смерти не совершено Имъ (даже по суду Ирода, т. е. слѣдовательно и по іудейскому закону)... ничего повиннаго смерти не нашелъ я въ Немъ... я никакой не нахожу въ Немъ вины“ (Лк 23, 14. 15. 22 Ин 18, 32; 19, 4).

Видя невозможность измѣнить настроеніе такихъ жестокихъ и безсовѣстныхъ обвинителей—судей, Пилать пытается

дѣйствовать на психологію толпы. Сначала онъ хочетъ въ ней вызвать чувство справедливости посредствомъ сравненія Христа съ Вараввою, Учителя—идеолога съ разбойникомъ—мятежникомъ, или непосредственнымъ убійцею или же виновникомъ убійства во время мятежа,—противопоставленіемъ настоящаго мятежника съ учителемъ истины (хотя бы и субъективной и Пилатомъ непризнаваемой: Ін. 18, 37). А потомъ, подвергнувъ Христа бичеванію, истязаніямъ, поруганію, въ терновомъ вѣнцѣ и царской багряницѣ (въ такомъ одѣяніи Иродъ для насмѣшки отпустилъ Христа къ Пилату Лк. 23, 11), вывелъ вонъ (со двора преторіи) съ заявленіемъ: „вотъ вывожу вамъ Его вонъ, чтобы знали вы, что никакой вины не нахожу въ Немъ“ (Ин. 19, 4) и словами: „вотъ Человѣкъ!“ (ст. 5), т. е. это ли мессія—царь? похожъ ли Сей Человѣкъ на лжемессію и бунтовщика? какой это безпомощный Человѣкъ?

Но быть можетъ и опытный въ народной психологіи, Пилатъ на сей разъ обманулся тѣмъ, что имѣлъ дѣло вовсе не съ настоящею народною толпою, въ коей непосредственные инстинкты человѣческіе могутъ возбуждаться и вырваться наружу быстро и неудержимо, а съ архіерейскими служками и княжескими лакеями, обычно столь же испорченными, какъ и сами господа. Чувство правды и состраданія въ нихъ давно уже было выжжено огнемъ страстей и пороковъ ихъ господъ, служеніемъ мамонѣ, интриганствомъ, подкупамъ, шіонствомъ, сплетничествомъ насиліями, буйствомъ (ср. вышеприведенное свидѣтельство Флавія о слугахъ Анана младшаго) Такую челядь не трудно было заставить (*ἐπεισεν τοὺς ὄχλους* Мѳ 27, 20,—*ἀνέπεισεν*, др. *ἀνέπεισεν*, D какъ Мѳ—*τόν ὄχλον* Мк 15, 11) требовать отпущенія Вараввы и распятія Ісуса. Это та же толпа, что уже издѣвалась надъ Христомъ у архіереевъ. Лизнувъ крови, она уже не могла остановиться на полпути, — ей требовалась жертва кровавая, хотя бы и невинная.

Нахальство архіереевъ и упорство буйной толпы ихъ слугъ, повидимому, раздражаютъ Пилата. Опытнымъ взоромъ римскаго политика и психолога онъ ясно видитъ безпринципность толпы и безбожіе ея заправиль, онъ хочетъ вывести наружу это безвѣріе, предающее Христа на смерть „по зависти“, а вовсе не потому, что „мы имѣемъ законъ, и по

закону нашему Онъ долженъ умереть, потому что объявилъ себя Сыномъ Божиимъ“.

Пилать глумится надъ этою наглою безсовѣстностью обвинителей. „Вотъ Царь вашъ! Царя ли вашего распну!“ на-смѣшливо и полусердито восклицаетъ онъ, ожидая услышать отъ представителей іудейской націи публичное проявленіе невѣрія въ мессію и отреченіе отъ надеждъ націи. Пилать звалъ, конечно, что архіереи-саддукеи и народныя старшины-аристократы не вѣрили въ мессію, и ему, кажется, хотѣлось только, въ отместку за нахальство и упорство ихъ, заклеить вѣчнымъ историческимъ позоромъ это ихъ національное вѣроотступничество, предъ всѣмъ народомъ, публично и ихъ собственными устами.

Но „шипящія змѣи“ ловко обернули палку другимъ концемъ. „Іудеи же, т. е. архіереи во главѣ толпы слугъ своихъ (ср. Ін. 19, 15), закричали: если Его отпустишь, не другъ ты Кесаря,—всякъ, царемъ себя объявляющій, противится Кесарю,—не имѣемъ царя кромѣ Кесаря!“. На глумленіе Пилата архіереи отвѣтили тѣмъ, что на самого Пилата бросили тѣнь политической благонадежности. Вотъ по истинѣ змѣиная изворотливость посѣдѣвшаго въ интригахъ политика! Эти, гнушавшіеся язычниками и тщательно омывавшие съ себя воображаемую нечисть отъ прикосновенія къ безбожникамъ, побоявшіеся вступить въ языческій преторій, чтобы не оскверниться, но ѣсть пасху (Ин. 18, 28), главари націи, владыки религіи и блюстители закона іудейскаго публично принимаютъ подданство языческому царю и во имя Кесаря требуютъ смерти ненавистнаго Учителя!... Глумленіе Пилата достигло цѣли, но жертвою правды. Интриганы хорошо знали, что дѣлали. Они били навѣрняка, хотя и съ наглою безсовѣстностью, вопреки своей религіи и отеческимъ законамъ. Что имъ за дѣло до царя Іудейскаго, когда благодаря Кесарю они сохраняли привеллигированное положеніе въ народѣ, получали халтуры съ храма и жертвъ, пользовались рентами съ своихъ лавокъ, торговавшихъ святынями. Да, архіереи не лгали, когда говорили: „не имѣемъ царя кромѣ Кесаря“. Напротивъ, они исповѣдали глубокую и интимную правду своей совѣсти. И въ послѣдствіи, Ананъ младшій во время зилотскаго возстанія былъ, какъ мы знаемъ, самымъ ревностнымъ сторонникомъ Рима и самымъ рѣшительнымъ

врагомъ своей національности. Здѣсь онъ, быть можетъ какъ никто еще въ Иерусалимѣ, былъ самымъ истымъ другомъ Кесаря и дѣйствительно не имѣлъ другаго царя кромѣ Кесаря!

Хитрость и политиканство архіереевъ внушительно поддерживались ревомъ многочисленной и фанатически возбужденной толпы ихъ слугъ, грозившей мятежемъ. Ананъ и архіереи его рода, какъ мы знаемъ, были особые мастера на народные бунты и погромы всякаго рода чрезъ своихъ слугъ и хулигановъ. А между тѣмъ Римъ смотрѣлъ очень косо на всѣ провинціальныя волненія и обычно винилъ за нихъ неполитичность своихъ намѣстниковъ.

„Недругъ Кесаря“ и „крики толпы“ осилили римскаго вельможу, для кого все это дѣло съ Народнымъ Учителемъ и всѣмъ Іудеи съ своими суевѣріями не представляли ничего серьезнаго,—для кого служба въ провинціи, особенно въ такой мятежной, какъ Сирія съ Палестиною,—была только этапомъ къ Риму и Кесарю.

Итакъ, „видя Пилатъ, что ничто не помогаетъ, но смятеніе увеличивается, взявъ воды, умылъ руки предъ народомъ и сказалъ: невиненъ я въ крови сей (или: Сего Праведника),—вы смотрите“. Это было послѣднимъ формально-торжественнымъ заявленіемъ Пилата о невинности подсудимаго и публично брошеннымъ обвиненіемъ архіереевъ въ безчестности. Но сами же архіереи и ихъ слуги дали отвѣтъ, послужившій какъ бы печатью и собственноручнымъ свидѣтельствомъ истинности этого обвиненія: „кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ“ (Мѡ. 27, 24—25 ср. Сангедр. IV, 5).

Вѣрующій въ правду, законъ, воздаяніе,—во что нибудь, кромѣ мамоны,—развѣ можетъ рѣшиться на такое заклятіе себя и своего потомства? Какъ бы ни былъ виновенъ тотъ, чья кровь проливается по суду (припомнимъ талмудическій взглядъ на смертную казнь, отмѣну ея въ культурныхъ странахъ и, въ особенности, глубоко правдивое разсужденіе Достоевскаго, самого подвергавшагося ей, о полной психологической несоизмѣримости между смертной казнью и преступленіемъ убійства, не говоримъ уже о казняхъ по зависти, уговору, изъ политики и эгоизма, какъ здѣсь,—съ кошунственнымъ поправіемъ всѣхъ божескихъ и человѣческихъ законовъ),—взять такую нравственную отвѣтственность не

только на себя лично, но и на все будущее поколѣніе свое за проливаемую кровь другого можетъ только полный безвѣрь и нигилистъ,—кто совсѣмъ не вѣритъ въ то, что говоритъ что и закликаетъ на себя и на всѣхъ чадъ своихъ. И дѣйствительно мы знаемъ, что архіереи изъ саддукеевъ не вѣрили въ промыслъ, воздаяніе и будущую жизнь.

Но исторія жестоко наказала и продолжаетъ наказывать заблужденіе этихъ невѣровъ. Законъ нравственнаго равновѣсія или возмездія сурово свершился какъ надъ самими заклинателями—невѣрами, такъ и въ теченіи двухъ тысячелѣтій со строгою непреклонностью продолжаетъ исполняться надъ ихъ несчастными потомками. Невинная Кровь Праведника трагически легла на потомковъ Анана и Каіафы (припомнимъ особенно судьбу Анана младшаго) и на весь народъ іудейскомъ во время, описанныхъ Флавіемъ Іосифомъ, ужасовъ гибели Іерусалима и іудейскаго царства. Съ тѣхъ поръ и доднесь не прекращались въ разныхъ странахъ земли избіенія тысячъ виновныхъ и совсѣмъ невинныхъ чадъ еврейскихъ. И, судя по всему доселѣшнему опыту исторіи, это будетъ дотолѣ, пока „весь Израиль спасется“ (Рим. 11, 25—26) и воскликнетъ Распятому: „благословенъ Грядый во имя Господне“ (Мѣ. 23, 39). Проклятіе это сдѣлало евреевъ народомъ „страдальцемъ“ за Праведника—Христа Богочеловѣка и за всю кровь праведную, пролитую на землѣ, отъ крови Авеля праведнаго до крови Захаріи, коего убили отцы евреевъ между храмомъ и жертвенникомъ“ (Мѣ. 23, 35). Каинъ, Іуда предатель, весь іудейскій народъ—вотъ доказательство силы нравственнаго закона возмездія на землѣ, долженствующаго служить грозною тѣнью и страшилищемъ для всѣхъ самолюбовъ и безвѣровъ.

Третья сторона въ лицѣ Пилата—язычника представляетъ какъ бы совѣсть Предателя, если конечно онъ присутствовалъ на этомъ судѣ. Даже и въ томъ случаѣ, когда бы синедріонско-архіерейскій судъ надъ Христомъ и отношеніе архіереевъ къ раскаявшемуся предателю оставляли бы хотя какую либо неясность или сомнѣніе въ полной безнравственности архіереевъ съ одной стороны и въ совершеннѣйшей невинности Христа съ другой, чего однакожъ невозможно допустить: то судъ у Пилата долженъ былъ окончательно раскрыть глаза несчастному Іудѣ и уничтожить всякую воз-

мoжнoсть кaкпхъ-лпбо недoумѣнпй на этoтхъ счeтъ кaкъ въ сaмoмъ предaтeлѣ, тaкъ и во всѣхъ, не утpaтпвшихъ сoвѣстп, свпдѣтeлeйхъ этoгo сyдa. Длeя язычнпкa Пплaтa, кaкъ лпчнo сoвѣмъ нeпpикoснoвeннaгo къ этoмy дѣлy, co стoрoны былo сoвepшeннo яcнo, чтo „apхпeрeи пo зaвпстп прeдaлп Егo“ и чтo въ тaкъ тoрoплпвo и вoпpeкп зaкoнy oсyждeннoмъ нa смeртъ „нѣтъ нпчeгo нe тoлькo дoстoйнaгo смeртп“, нo и вooбщe „нe oбрѣтaeтcя нпкaкoй впны“. Тѣмъ бoлѣe этo дoлжнo былo бытъ яcнымъ длeя Іyдa, нa спнeдрпoн-скoмъ сyдѣ yжe пoстпгшaгo всю глyбпнy apхпeрeйскoй бeз-сoвѣстнoстп и нeвѣрпeя. Пoвeдeнпe и слoвa Пплaтa являлпсь кaкъ бы зepкaлoмъ и гoлoсoмъ сoвѣстп сaмoгo Пpедaтeлeя.

Нo въ дaлѣнѣйшeмъ дopoгп рaсxoдплпсь. Дѣлo пpпнпмaлo дyрнoй oбoрoтъ лпчнo длeя Пплaтa, oнo гpoзплo мeтeжeмъ и пoлптпчeскпмп oслoжнeнпeмп для Рпмa. Сaмп apхпeрeи рeвнyютъ o пoлeзѣ Кeсapя и дѣпствyютъ eгo имeнeмъ, пpтoмъ y eвpeeвъ eстъ свoй зaкoнъ длeя смeртнoй кaзнп нaдѣ Oбвпнeмьмъ. Кaкъ чyжoй длeя іyдeeвъ, кaкъ пpeдстaвптeлѣ Рпмa, кaкъ чeлoвѣкъ дpyгoй кyльтypы и пнoгo мпpoвoззрѣнпeя,—Пплaтъ съ спoкoйнoю сoвѣстью мoгъ yмытъ pyкп въ этoмъ дѣлѣ въ знaкъ свoeй юpпдпчeскoй спpaвeдлпвoстп и съ пoлнымъ пpавoмъ скaзaтъ: „нeпoвпнeнъ Я въ кpoвп Этoгo (Пpавeднпкa)“, слoжпвъ всю впнy нa oбвпнптeлeй: „смoтpптe вь“. Пpи дaннъхъ yслoвпeйхъ, лyчшe eдвa лп бы мoгъ пcпoлнпть Пплaтъ свoю пoлптпчeскyю oбязaннoстъ рпмcкaгo пpeдстaвптeлeя и кyльтypнaгo язычнпкa въ пoлyвapвapскoй Спpпп и Пaлeстпнѣ.

Сoвѣмъ пнoe—Іyдa. Oнъ лпчнo былъ пpкoснoвeнъ къ дѣлy, кaкъ „пpeдaтeлѣ Кpoвп Нeвпннoй“, кaкъ aктпвнъй yчaстнпкъ въ пpoлптпп этoй „Кpoвп Пpавoй плп Пpавeднпкa“, xтoя бы пo „грѣхy“ плп зaблyждeнпy. Этa кpoвь вoпплa eмy o пoтepѣ мeсспeянскoй вѣpы, рeлпгпп, нaцпп,—o бeзвѣpпп и нпгплпзмѣ apхпeрeeвъ, нaглoмъ пoпpанпп пмп бoжeскпхъ и чeлoвѣчeскпхъ зaкoнoвъ, пхъ тyпoй бeзсepдeчнoстп и нeспoсoбнoстп oтoзвaтъcя нa тoнкпeя и глyбoкo cокpытъeя двпжeнпeя мьтyщeйcя и стpaждyщeй дyшп пpeдaтeлeя, этoгo нeсчaстнaгo „сынa пoгпбeлп“,—o бeззaкoннoй смeртп пpeвoсxoднѣйшaгo пзъ всѣхъ, кaкпхъ тoлькo знaлъ Іyдa, лyдeй нa зeмлѣ,—o дoбpoвoльнoй сaмoжepтвѣ этoгo чeлoвѣкa зa чeлoвѣчeскoe нeвѣжeствo и бeзсepдeчнoстъ. Длeя Пeскapіoтa этo былъ „грѣхъ

преданія Невинной или Правой Крови“. Когда Пилать торжественно и предъ всѣми говорилъ: „неповиненъ я въ крови Этого Праведника“, для Іуды возникалъ вопросъ: кто же „повиненъ“? И тутъ же его совѣсть говорила страшный отвѣтъ:—архіереи и самъ Іуда. Тѣ прокричали „кровь Его на насъ и на чадахъ нашихъ“, а Іуда, раскаявшись въ грѣхѣ преданія Невинной Крови, пошелъ и удавился, за кровь невинную заплативъ своею кровью грѣшною. Простой терминъ, одно какое либо слово могли воздѣйствовать на Іуду въ тѣ минуты. Изъ словъ архіереевъ: „повиненъ смерти“ и Пилата: „неповиненъ я въ крови Сего (Праведника)“ для Іуды кровавыми буквами начертывался въ его совѣсти съ ужасающею ясностью грозный приговоръ: повиненъ я,—„согрѣшилъ, предавъ Кровь Невинную (Правую)“.

Въ нѣсколько часовъ Іуда потерялъ все, чѣмъ доселѣ жилъ и во имя чего дѣйствовалъ такъ прямо, быстро и рѣшительно: мессію, религію, богослуженіе, архіереевъ, правду людей, законъ, человѣчность, вѣру, надежду, любовь... Осталось одно только мучительное сознаніе подлости совершеннаго злодѣйства надъ невинною кровію Праведника. Преданіе лжемессіи архіереямъ было идеей фиксъ Іуды и, какъ всякая такая идея, она оказалась иллюзіей, заблужденіемъ, грѣхомъ. Іуда думалъ, что предаетъ лжемессію и злодѣя, достойнаго смерти, истиннымъ служителямъ алтаря Божія, представителямъ правды и закона, вѣстникамъ Господа Саваоѳа (Малах. 2, 7), съ ключами храма и суда владѣющими и ключами царства Божія. Въмѣсто того они оказались безсердечными эгоистами,—рабами мамоны, а не слугами Бога,—приспѣшниками Кесаря, а не вѣстниками царства Мессіи и правды Божіей. Напротивъ, преданный Учитель, хотя и не имѣлъ вожделѣнныхъ для Іуды чертъ національно-политическаго мессіи, но стоялъ предъ его совѣстью какъ грѣховно преданная имъ „Невинная Кровь“ мелочной зависти интригановъ, какъ жертва жалкаго самолюбія, безсердечнаго, безпринципнаго, безидейнаго.

Потерявъ религію и мессію, Іуда нашелъ „Невинную Кровь“. По закону, на коемъ воспитался Іуда и коимъ была обвѣяна вся его психика, эта кровь требовала отмщенія: око за око, душу за душу, жизнь за жизнь, кровь за кровь. Оставшись трагически одинокимъ, съ одною только своею совѣстью и

ужасомъ отчаянія,—съ утратою чувства связи со всѣмъ. чѣмъ онъ дорожилъ доселѣ въ жизни,—съ сознаниемъ гадости, бесполезности и непоправимости своего злодѣйства надъ „Невинною Кровію“ превосходнѣйшаго изъ всѣхъ, кого зналъ,—предатель самъ совершилъ надъ собою судъ и казнь по ветхозавѣтному закону возмездія, заплативъ за грѣхъ преданія Крови Невинной своею виновною и грѣшною кровію:

„Онъ пошелъ и удавился“, быть можетъ въ то самое время, когда эта, грѣховно и ошибочно преданная Иудею, Невинная Кровь проливалась на голгоетскомъ крестѣ и, опредѣленный Божественнымъ Совѣтомъ въ жертву за грѣхи людей, Богочеловѣкъ молился: „Отче! отпусти имъ, ибо не вѣдять, что творять“!

Приложеніе I-е къ §§ VIII—IX: о синедрионѣ. Мѣстомъ засѣданій Великаго Синедріона первоначально служилъ особый залъ изъ вытесаннаго камня, въ отличіе отъ двухъ деревянныхъ, называвшійся „газит“, въ храмовой пристройкѣ внутренняго двора, на сѣверной, по др. южной сторонѣ,—между тѣмъ какъ другой судъ помѣщался у входа Азары (второго двора), а третій у входа Храмовой Горы. Сангедр. X или XI, 2 Sur. 255 сл. Пер. 319 сл. ср. Мидд. V. 2—4 и Sur. 376—378 Переф. 412—413. Комната газитъ имѣла видъ большой базилики (Юма 25 a Gold. 2, 819, 11—12), она лежала частію на священной почвѣ (двора священниковъ), а частію на почвѣ мірянъ (двора израильтянъ), и имѣла двѣ двери, выходившія на дворы священническій и израильскій ib. lin. 17—20 ср. 820, 1—7. Въ газитѣ синедрионъ засѣдалъ отъ утренней (ок. 6 ч утра) до вечерней жертвы (ок. 6 ч. веч.), но по субботамъ и праздникамъ (малымъ, йом-товамъ) въ Хелѣ, находившемся между храмомъ и окружавшею его стѣною Synhedr. 88b Gold. 7, 369, 4—370, 17 ср. Келимъ Мишна 1 гл. Surenh. и Пер. 6, 1 сл. Тос. къ Хагигѣ 2, 8—9 Пер. 2, 521 Ugol XVIII, 991—993: въ бет-гаммидрашѣ, т. е. храмовой синагогѣ (ср. Jos. Bell. II, 17, 6 Niese стр. 233 и Evang-Nicodemi, Gesta Pilati cap. V, 1 ed. Tischend. 1853 pag 223 ἐν τῇ συναγωγῇ. Но за 40 лѣтъ до разрушенія храма, т. е. при жизни Господа, вѣстѣ съ отнятіемъ Римлянами у евреевъ права смертной казни, Синедрионъ перемѣстился изъ газита сначала въ ханот (или хануот)—помѣщеніе для лавокъ или магазиновъ (ср. οἶκοι ἐν πόλει Jos. Bell. VI, I, 5, 2 Niese § 282 и οἶκος Ἀγαπίου τοῦ ἀρχιερέως I, 1, 6 § 426 ср. Неем. 13, 4—5 и Лк. 22, 66: можетъ быть это „лавки сыновей Аана“ см. далѣе), а потомъ въ Иерусалимъ, Ямнію и т. д. наконецъ въ Тиверіадѣ Synedr 41a къ кон. Gold. 7, 172, 14—17 ср. Rosch hasch 31a—b Gold. 3, 386, 1—5 Aboda zara 8b Gold. 7, 824, 7—8 Schabb. 15a кон. Gold. 1, 351, 17—18 Jerus. Sanh. 24. 2 Joma 13 3 Joan. 18, 31 Jos. Bell. (βουλευτήριον) V, 4 2 Niese § 144 ср VI, 6 3 § 354 (βουλευτήριον). Окончательный приговоръ надъ Христомъ, судавшимся

ночью въ квартирѣ Каиафы, очевидно былъ произнесенъ утромъ въ помѣщеніи *ханот*, быть можетъ въ торговыхъ лавкахъ архіерейскихъ. Но возможно это засѣданіе и въ Хелѣ, особенно въ виду Мѡ. 27, 5 *εἰς τὸν ναόν* (ср. далѣе) или въ синагогѣ (Evang. Nicod. Gesta Pilati cap. 5, 1): ср. собраніе народа Агриппою въ ксисѣ Bell. II. 16, 3 Niese p. 218.

У евреевъ времени Христа были три инстанціи суда. Самая низшая состояла изъ трехъ судей: этотъ судъ существовалъ въ самыхъ маленькихъ поселкахъ и разбиралъ только неважные гражданскія дѣла: грабежи, побои,—возмѣщеніе убытковъ въ половинномъ, полномъ, двойномъ, четверномъ и пятерномъ размѣрѣ,—изнасилованіе, обольщеніе, распушеніе худой молвы (о женѣ),—послѣднее, впрочемъ, только по мнѣнію р. Меира, а общее мнѣніе мудрецовъ относить это къ уголовнымъ дѣламъ суда двадцати трехъ: ср. Второз. 22, 13—21,—Тесефта примиряетъ такъ, что искъ съ денежнымъ вознагражденіемъ рѣшаетъ судъ трехъ, а съ смертною казнью—двадцати трехъ,—удары, полный мѣсяцъ (въ 30 дней) и высокосный годъ (съ 13-ю мѣсяцами),—рукоположеніе законовѣдовъ и нѣк. др. (Сангедр. 1, 1—3 Surenh IV. 207—212 Переф. 4, 235—242 ср. III. I Sur. 218 сл. Пер. 257).

Вторая инстанція, назывшаяся „малый Синедріонъ“, состояла изъ двадцати трехъ судей. Онъ могъ быть только въ селеніяхъ съ числомъ жителей не менѣе 120, по др. 230, по др. 270,—и судилъ уголовныя дѣла (съ смертною казнью), между прочимъ и присуждалъ къ убіенію животныхъ (1, 4 и 6 Sur. 212 сл. 214 сл. Пер. 242—243. 246—248).

Высшая инстанція „Великій Синедріонъ“ состоялъ изъ 71 члена (1, 6 Sur 212 сл. Пер. 246 сл.) Онъ назывался „сангедрин гадола шел—ишразл—великій синедріонъ израиля“ или короче: „сангедрин гадола—великій синедріонъ“ въ отличіе отъ „малаго—сангедрин кетона“, евр. сангедрин есть греч. *συνέδριον*, по евр. судилище, мѣсто суда: „бет—дин“—домъ суда

Ему были посудны высшія уголовныя, государственныя и религіозныя дѣла: кофѣно (совратившееся въ идолопоклонство), лжепророкъ, архіерей, объявленіе войны, расширеніе (площади) Иерусалима и храмовыхъ дворовъ, открытіе малыхъ синедріоновъ, объявленіе города соблазненнымъ,—Тосефта приб.: сожиганіе рыжей телицы, убіеніе телицы за убіеніе, объявленіе старѣйшины народнаго въ непослушаніи синедріону, принесеніе тельца за грѣхъ невѣдѣнія общины, постанленіе царя и первосвященника (послѣднимъ правомъ синедріонъ фактически не владѣлъ, какъ и правомъ смертной казни, при жизни Христа: 1, 5 Sur. 213—214 Пер. 243—246). О судѣ Синедріона надъ Иродомъ первымъ сообщаетъ Іосифъ Флавій въ Ant. XIV, 9, 3—4 Niese 3, 270 сл. по обвиненію его за казнь Езекии и его товарищей, между тѣмъ какъ законъ запрещаетъ убивать даже преступника безъ суда и рѣшенія синедріона. Но этотъ случай показываетъ и фактическое безсиліе синедріона: хотя Иродъ и явился на судъ, но съ отрядомъ охраны. Также Мишна Сангедр

Х (XI), 4 Пер. 320 Sur. 258 говорить, что смертные приговоры не исполняются судьями городовъ, ни синедріовомъ въ Яфнѣ, но осужденный приводится въ Великій Синедріонъ, въ Іерусалимъ, и тамъ находится подъ стражею до одного изъ трехъ великихъ праздниковъ и на праздникъ умерщвляется. Суду синедріова также подлежали: ученый, не подчивающійся рѣшевію суда, государственный преступникъ, лжепророкъ и совратитель (Мишва ib. и Тосефта XI, 7 Переф. къ VIII, 4 стр. 297—298).

Въ составъ 71 члена синедріова входили: а) *Архіереи* евр. коганизм греч. *ἱερωεῖς*: дѣйствительный архіерей (Каіафа), эксархіерей (Авна), можетъ быть всѣ члены тогдашнихъ архіерейскихъ фамилій—по должности,—и простые священники или представители священническихъ чередъ—по назначенію или выбору (ср. Joma, 18a Gold 2, 795, 19—22),—въ эпоху Христа большею частью саддукеи. б) *Книжники* евр. соферим греч. *γραμματεῖς*, въ противоположность невѣждамъ—простецамъ (евр. *бэрим*)—ученые законовѣды, богословы, толкователи и переписчики священныхъ книгъ—изъ левитовъ, низшихъ священниковъ и мірянъ,—большою частью фарисеи в) *Старшины народные*, зекевим, *πρωτότοκοι τοῦ λαοῦ* или *τὸν ἰουδαίου*—представители колѣнъ и родовъ (ср. Мѡ 26. 57 59 Мк 14, 53 др.). Архіереи являлись представителями богослуженія, книжники—науки богословской, старшины—народа. *Президіумъ* суда составляли три лица: *Князь* евр. Наси, избиравшійся синедріономъ обычно на годъ, большею частию изъ архіереевъ (Мк. 14, 60 Дн 7, 1), но не обязательно,—существовала даже традиція выбирать Наси изъ парскаго рода Давида, хотя парство перешло къ Асмонеямъ, а потомъ къ Иродамъ (Гиллель и Гамалилъ были Наси и принадлежали къ роду Давида: Friedlieb, Archäologie der Leidensgeschichte, § 7),—онъ являлся замѣстителемъ Моисея и былъ предсѣдателемъ синедріова. У него были два помощника или вице-президента: одинъ вазывался *Ав-бет-дин*, т. е. отецъ дома суда, начальникъ глава суда (по Майм, „старѣйшій и достойнѣйшій изъ 70“),—а другой—*Хакамъ*—Мудрецъ. Ав-бет-динъ и Хакамъ выбирались изъ членовъ синедріова, принадлежавшихъ къ квижникамъ или левитамъ и къ старшинамъ народнымъ. Такимъ образомъ три лица президіума соотвѣтствовали тремъ классамъ синедріоналовъ: Наси—первосвященническому, Хакамъ и Ав-бет-динъ—народнымъ старшинамъ и книжникамъ,—Наси имѣлъ обязанность публично толковать заковъ (касательно богослуженія), Ав-бет-динъ предсѣдательствовалъ надъ судьями и рѣшалъ споры, Хакамъ предсѣдательствовалъ надъ книжниками (Маймовидъ у Friedlieb'a ib.). Къ суду принадлежали еще два (или три) *секретаря* или *писца судебные*, называвшіеся *омдим*—*стоящіе*, изъ коихъ одинъ записывалъ что служило къ оправданію подсудимаго, а другой—къ обвиненію (по р. Іудѣ былъ еще третій секретарь, записывавшій то и другое).—два судебные пристава или ликторы, *прѣхлосес*, *ἑπρέται* (Мк 14, 65 Мѡ 5, 25), *шотерим*—обвинители, защитникъ—*виал-рив*, свидѣтели и подсудимый. Кромѣ того на судѣ присутствовали ученики

или кандидаты въ судьи—*талмиде хаканим*, изъ коихъ рукополагались члены синедріона на вакантныя мѣста, обычно по старшинству. По р. Іоханану (тоже у Маймонида) Синедріонъ избиралъ своими членами только такихъ, кто имѣлъ видъ статный и красивый, былъ мудръ, имѣлъ законный возрастъ, понималъ волшебство и зналъ семьдесятъ языковъ, чтобы синедріонъ не нуждался въ постороннихъ переводчикахъ (*Synhedr.* 17*a* къ кон. *Gold.* 7, 59, 17—20. Тос. Сингедр. 8, 1 Пер. 272: достаточно, чтобы въ составъ синедріона входили двое, которые умѣютъ говорить (на языкахъ сторонъ и свидѣтелей), остальные же члены должны только понимать,—при трехъ (умѣвшихъ говорить) синедріонъ—средній, а при четырехъ—онъ ученый“. Изъ Синедріона посылали изслѣдовать: если кто ученъ и кротокъ и вѣжливъ и избѣгаетъ грѣха и представителенъ и пользуется благоволеніемъ людей, то его назначаютъ судьей въ его городѣ,—затѣмъ его повышаютъ и назначаютъ въ судъ на Храмовой горѣ, потомъ его повышаютъ и назначаютъ въ судъ въ Хелѣ, потомъ его повышаютъ и назначаютъ въ судъ (Беликій Синедріонъ) въ Газитъ (Тосефта къ Сингедр. IV, 1 или VII, 1 Пер. 267—268, къ Хагитъ 2, 9 у Пер и Ug. ib.—то же Тос. Шекалимъ 3. 14 у Пер ib. прим. Ug XVIIi, 21 Вавил. Sanhedr. 17*b* Gold 60 и 88*b* Gold. 369 сл.) Но это относится конечно къ членамъ изъ мірянъ, а не для архіереевъ и священниковъ.

Судъ располагался полукружіемъ (на подобіе половины круглаго тока или гумна), чтобы судьи могли видѣть лица другъ друга (во избѣжаніе недобросовѣстныхъ рѣшеній). Въ самой срединѣ полукружія возсѣдалъ Князь-Наси (Президентъ), направо—Судья-Авбетдинъ, нѣлво Мудрецъ-Хакамъ, который считался третьимъ по достоинству (Маймонидъ у Friedl. ib). Остальные члены синедріона располагались въ порядкѣ достоинства и старшинства, достойнѣйшіе и старѣйшіе ближе къ Наси (Майм. ib.). Сидѣли, по восточному обычаю, на коврахъ, съ скрещенными ногами. На концахъ полукружія стояли два писца—секретаря, на правомъ записывавшій что служило къ оправданію, на лѣвомъ—къ обвиненію подсудимаго. Предъ судьями сидѣли ученики или кандидаты (талмиде—хаканим) тройнымъ рядомъ (по 23 человѣка въ ряду), каждый на своемъ мѣстѣ, по достоинству. Когда надо было замѣстить вакантное мѣсто судьи, то рукополагали (перваго) изъ перваго ряда, а на его мѣсто переходилъ (первый) изъ втораго ряда и на мѣсто этого (первый) изъ третьяго ряда, наконецъ мѣсто этого послѣдняго замѣщалось по выбору изъ общества, причемъ новичекъ садился на самое послѣднее мѣсто. За учениками стояли судебные пристава съ веревками и ремнями (Маймон. *ibid.*),—подсудимый прямо противъ предсѣдателя, вторымъ отъ перваго свидѣтеля,—обвинитель противъ подсудимаго (ср. 1 Цар. 21, 9—14), направо отъ него стоялъ защитникъ—ваал-ривъ, тутъ же другіе свидѣтели, опровергающіе свидѣтелей и опровергающіе этихъ послѣднихъ. За ними становился народъ и всѣ входившіе, безъ мѣста и порядка, но кто приходилъ ранѣе, тотъ становился ближе къ ученикамъ (Мшина

Сангедр. IV, 3—4 и Тосефта у Переф. 270—272 Sur. 227—228 и Тос. къ V, 6 Переф. стр. 262 Horajoth 13b Gold. 7, 1114, 20—24 ср. Миш. Таан. II, 1 Пер. 3, 451, гдѣ упоминается наси и авбетдинъ,—и хагига II, 2 Пер. 2, 521 названы имена нѣкоторыхъ изъ нихъ).

Время для засѣданій синедріона по уголовнымъ дѣламъ назначается день, послѣ утренняго тамидъ (жертвы) и до вечерняго тамидъ, т. е. между 6—7 часами утра и 6—7 часами вечера, всего около 9—10 часовъ (ср. Юма III, 1—2 Переф. 2, 324—325 и Песахимъ V, 1 Переф. 2, 218 Иос. Фл Ant XIV, 4, 2 *procl.* Synopsis Soharp. 56 п. 2: засѣданія суда должны быть утромъ рано, до вкушенія пищи и питья, Маймонидъ къ Sanh. с. 3: Великій Синедріонъ засѣдаетъ отъ утренней жертвы до вечерней—у Keim'a Gesch. Iesu i Nazara, 3, 345 п. 2). Уголовныя дѣла должны начинаться днемъ и заканчиваться днемъ (Мишна Сангедр. IV, 1 Переф. 267 Sur. 226),

Судебный процессъ состоялъ исключительно изъ допроса свидѣтелей и тщательнаго изслѣдованія ихъ показаній за и противъ обвиняемаго. Синедріонскій судъ поэтому весьма строгъ къ свидѣтелямъ. Въ свидѣтели, какъ и въ судьи, не допускаются по Мишнѣ Сангедр. III, 3—5 Переф. 358—362 Sur. 221: играющій въ кувію (Тосефта: камешками, скорлупою орѣховъ и гранатъ,—по Вавил. Талм: даже безъ денегъ), ростовщикъ (Вавил. Талм: даже язычникамъ дающій деньги въ ростъ), пускающій голубей (Тос: въ летъ или на бой, какъ и всякій скотъ,—Вав: хотя бы даже въ пустынь), торгующій плодами субботняго года и собирающій плоды субботняго года,—Тосефта къ нимъ прибавляетъ: похитители (чужой собственности), пастухи, обидчики—хамсан по толк. Вав. насильно берушіе чужое и потомъ уплачивающіе за это, собиратели податей Кесарю и мытари,—сюда же Мишна присоединяетъ ихъ родственниковъ: отца, брата, брата отца и матери, мужа сестры, мужа сестры отца и матери, отчима, тестя, свояка и ихъ сыновей и зятевъ,—также друзей и враговъ подсудимаго—по р. Акивъ,—неправоспособны: малолѣтніе, глухонѣмые, слѣпые, даже послѣ ихъ выздоровленія.—и язычники, даже послѣ ихъ перехода въ іудейство,—явные грѣшники и заклеянные преступники,—(ср. Вав. Sanhedr. къ этимъ мишнамъ, особ. 25b Gold. 99,—вся гемара 24b—29a G. 96—114),—Иосифъ Флавій говоритъ, что вся прежняя жизнь свидѣтеля должна служить удостовѣреніемъ истинности его показанія,—и что отъ свидѣтельства устранились женщины по причинѣ ихъ легкомыслія и наглости и рабы ради неблагородства ихъ души, корыстности и страха (Antiq. IV, 8, 15 Niese I, 268).

Въ мѣсто суда, бет динъ или синедріонъ входили сначала ученики и занимали свои мѣста, потомъ судьи, прочіе члены суда, народъ, потомъ въ порядкѣ достоинства: хакамъ—мудрецъ, причѣмъ судьи и ученики встаютъ одинъ за другимъ, пока онъ не сядетъ на свое мѣсто, налѣво отъ предсѣдателя,—потомъ входитъ судья—авбетдинъ, и встаетъ сначала одинъ рядъ, потомъ другой, пока онъ не

сядетъ на свое мѣсто, направо отъ предсѣдателя, — послѣднимъ входитъ предсѣдатель—наси или князь, и тогда встаютъ всѣ присутствующіе и стоятъ, пока онъ не скажетъ садиться (Тосефта къ Сангедр. 7, 8 у Переф. къ IV, 4 стр. 271 и Вавил. Ногајoth 13^b Gold. 7, 1114, 20—25). Судятся не иначе, какъ стоя,—свидѣтельствуютъ не иначе, какъ стоя,—судьи сидятъ, а тяжущіеся стоятъ предъ ними,—истецъ начинаетъ первымъ. Если есть свидѣтели, ихъ вводятъ и внушаютъ страхъ и выводятъ всѣхъ вонъ, оставляя старшаго изъ нихъ и выслушивая его. Затѣмъ выводятъ его и вводятъ втораго, выслушиваютъ его слова и выводятъ. Послѣ этого вводятъ обоихъ вмѣстѣ. Судьи должны хранить въ тайнѣ свои совѣщанія и свои голоса (Санг. III, 6—7 и Тос Переф. 262—263).

Въ отличіе отъ гражданскаго, уголовный судъ болѣе наклонялся въ пользу обвиняемаго Мишна формулируетъ это различіе такъ:

„Какъ дѣла съ имущественною отвѣтственностью (гражданскія), такъ и съ уголовною, рѣшаются по разысканіи и изслѣдованіи, но съ такимъ различіемъ: 1, гражданскія дѣла разбираются судомъ трехъ, уголовныя—двадцати трехъ (и Великого Синедріона изъ 71),—2, дѣла гражданскія начинаются какъ съ оправданія такъ и съ обвиненія (т. е. разсмотрѣнія доводовъ за и противъ), дѣла уголовныя начинаются только съ оправданія (данныхъ въ пользу подсудимаго) и не начинаются съ обвиненія (но Тосефта дѣлаетъ исключеніе для месита—совратителя, хотя р. Исусъ сынъ Кархи высказывается противъ этого ограниченія: ср. Мишну VII, 10 о допущеніи засады скрытыхъ свидѣтелей по отношенію къ одному только меситу) 3, въ дѣлахъ гражданскихъ большинство одного голоса рѣшаетъ какъ обвиненіе такъ и оправданіе, въ уголовныхъ—оправданіе рѣшается однимъ голосомъ, а обвиненіе двумя,—4, въ гражданскихъ дѣлахъ приговоръ (въ случаѣ ошибки) можетъ быть измѣненъ и на оправдательный и на обвинительный, а въ уголовныхъ—только на оправдательный, а не на обвинительный,—5, въ гражданскихъ дѣлахъ всѣ могутъ говорить (т. е. и ученики) какъ въ оправданіе такъ и въ обвиненіе, въ уголовныхъ всѣ могутъ приводить доводы только въ оправданіе, но не всѣ въ обвиненіе (ученики не могутъ),—6, въ гражданскихъ дѣлахъ члены суда могутъ перемѣнять свой голосъ въ оправдательный и обвинительный, въ уголовныхъ—только въ оправдательный, но не въ обвинительный,—7, гражданскія дѣла разбираются днемъ и могутъ окончиваться ночью, а дѣла уголовныя разбираются днемъ и заканчиваются днемъ,—8, приговоръ какъ оправдательный такъ и обвинительный по гражданскомъ дѣламъ постановляется въ тотъ же день, а по уголовнымъ—приговоръ оправдательный въ тотъ же день, а обвинительный лишь въ слѣдующій день, почему уголовныхъ дѣлъ не разбираютъ ни въ пятницу, ни наканунѣ большаго праздника—*регел*. (По р. Акибъ ок 125 г РХ. но позднѣеи р. Іуда ок. 200 г. РХ. говорить, что не должно откладывать казни, но убиваютъ тотчасъ же: Санг. XI или X, 4 Переф. 320 Sur. 258),—8, въ гражданскихъ дѣлахъ отбирание голосовъ начинается со старшаго, въ уголовныхъ—съ младшихъ членовъ суда,—9, раз-

бывать гражданскія дѣла могутъ всѣ, а уголовныя—только священники, левиты и міряне чистой еврейской крови, кои способны породиться (ср. Киддушинъ IV, 4—5 Переф. 3, 41^е—419) съ священниками (Сангедр. IV, 1—2 Переф. 266 дал. и Тосефта у Переф. 267—270 Sur. 225—226).

Уголовный процессъ начинался внушеніемъ страха свидѣтелямъ, коихъ должно быть не мевѣ двухъ,—а для богохульника—трехъ (Савг. VII, 5 Пер. 288). Ихъ вводятъ и увѣщаютъ, чтобы они не говорили по догадкѣ или по слуху, хотя бы и ссылаясь на то, что они слышали изъ устъ свидѣтеля и человѣка достовѣрнаго. Также: „можете быть вы не знаете, что мы будемъ испытывать васъ розыскомъ и изслѣдованіемъ? Знайте, что дѣла уголовныя отличаются отъ дѣлъ имущественныхъ. Въ этихъ, отдача денегъ служить заглаженіемъ вины, а въ тѣхъ кровь обвиненнаго и его потомства до скончанія вѣка находится на тебѣ, ибо о братоубійцѣ Каинѣ сказано (Быт. 4, 10): „голосъ кровей (т. е. его и его потомковъ) брата твоего вопіетъ ко мнѣ“. Затѣмъ и созданъ Адамъ единымъ, чтобы показать тебѣ, что губящій одну душу израильскую считается Писаніемъ какъ бы погубившимъ цѣлый міръ, а спасшій одну душу изъ израиля считается Писаніемъ какъ бы спасшимъ цѣлый міръ. Поэтому каждый долженъ думать, что ради него созданъ міръ. А можете быть ты скажешь: какое мнѣ дѣло входить въ эти бѣды? Но сказано: „если кто былъ свидѣтелемъ или видѣлъ или зналъ, но не объявилъ, то онъ понесетъ на себѣ грѣхъ“ (Лев. 5, 1). А можете быть вы скажете: зачѣмъ намъ брать на себя кровь этого человѣка? Но вѣдь сказано: „при гибели нечестивыхъ бываетъ торжество“ (Притч. 11, 10) Сангедр. IV, 5 Пер. 272 сл. Sur. 229 сл. Лжесвидѣтели должны подвергаться такому же наказнію, какое налагалось на обвиняемаго въ извѣстномъ преступленіи.—той смертной казни, какой подвергался обвиняемый (Иос. Флав. Ant. IV. 8, 15 см. выше, Сангедр. XI, 6 и Тос. Переф. 322 ср. Маккотъ 1, 4. 6 Переф. 4, 328—330 Sur. 271—272 ср. Втор. 17, 6 и 19, 15—21). Каждый, имѣющій что либо въ пользу обвиняемаго, обязанъ предъявить это суду (Сифра Лев. 19, 15—16 Пер. 4, 263—264 пр. и Тос. къ 1, 8 Пер. 237 kedoshim cap. IV, 1—7 Ugol. XIV, 1349 sq).

Затѣмъ слѣдуетъ допросъ и испытаніе свидѣтелей. Допросъ начинается семью вопросами—*халлротъ*, касательно времени и мѣста преступленія: въ какую седмицу, въ какомъ году, въ какомъ мѣсяцѣ, въ какой день мѣсяца, въ какой день недѣли, въ какой часъ и на какомъ мѣстѣ? (Р. Иосе говорятъ, что предлагали только послѣдвіе три вопроса). Кромѣ того спрашиваютъ: Знаете ли вы его? предупреждали ли его? а если дѣло идетъ объ идолослуженіи, то спрашиваютъ: кому онъ служилъ и какъ (чѣмъ) служилъ? Потомъ слѣдуетъ испытаніе свидѣтелей—*бедикотъ* посредствомъ всякаго рода другихъ вопросовъ, напримѣръ о фиговыхъ плодоножкахъ (ср. Дан. 13, 54 58). Чѣмъ кто больше задаетъ испытательныхъ вопросовъ, тѣмъ онъ достойнѣе похвалы. (Тосефта: сбиваютъ свидѣтеля, чтобы спутать его,—кромѣ того спрашиваютъ: чѣмъ онъ убилъ его? мечомъ.

палкой? ударомъ ли по голени или ключицѣ? куда было обращено лице его, когда онъ убивалъ?) При хакиротъ показаніе одного свидѣтеля о своемъ незнаніи не имѣетъ силы, а при бедикотъ заявленіе о незнаніи одного или даже двухъ свидѣтелей имѣетъ силу. Въ тѣхъ и другихъ свидѣтельство не имѣетъ силы, если свидѣтели прямо противорѣчатъ другъ другу (ср. Мк. 14, 56 *ובח יסאי*). Если же противорѣчіе можно объяснить или примирить (напр. первый и второй день мѣсяца можно смѣшать, но третій съ пятымъ смѣшать нельзя, — также можно смѣшать второй и третій часы, но не пятый съ седьмымъ, когда солнце уже зашло). Удаливъ первого свидѣтеля, вводятъ второго и такимъ же образомъ допрашиваютъ его. Если показанія свидѣтелей согласны (ср. Ротъ гапана II, 5—6 Пер 2, 429), судьи начинаютъ разсужденія и совѣщанія относительно доводовъ, служащихъ къ оправданію обвиняемаго. Въ это время каждый свидѣтель, самъ подсудимый и каждый изъ учениковъ могутъ заявлять доводы къ оправданію обвиняемаго (ученика въ такомъ случаѣ на весь день, т. е. на все дѣло, сажаютъ среди судей), и эти доводы выслушиваются и обсуждаются судьями. Напротивъ доводы, служащіе къ обвиненію подсудимаго, уже не принимаются (Тос: если свидѣтельство свидѣтелей найдено согласнымъ, то старшій изъ судей начинаетъ съ оправданія, а товарищъ его помогаетъ ему, — ученика, заявившаго доводъ для оправданія, оставляютъ среди судей на всегда, если подсудимый оправдывается, а если нѣтъ, то только на тотъ день, — подсудимый можетъ приводить доводъ только въ свое оправданіе, а если его доводъ служить къ обвиненію, его заставляютъ молчать съ выговоромъ).

Если судьи нашли возможнымъ оправдать подсудимаго, то освобождаютъ его немедленно. А если нѣтъ, откладываютъ приговоръ на слѣдующій день (ср. IV, I, почему не производятъ суда по пятницамъ и въ кануны большихъ праздниковъ) Они сходятся парами, ѣдятъ поменьше, не пьютъ вина весь этотъ день, обсуждаютъ всю ночь, а на слѣдующій день встаютъ рано и приходятъ въ судъ. Каждый изъ обвинявшихъ судей можетъ перемѣнить свой голосъ на оправдательный, но оправдывавшіе не могутъ сдѣлаться обвинителями. Въ случаѣ ошибки судей, секретари напоминаютъ имъ (Тосефта ограничиваетъ это напоминаніе только оправдывающими, а обвинители должны повторять свои прежніе доводы). Если нашли оправданіе для обвиняемаго, то освобождаютъ его. А если нѣтъ, встаютъ для счета голосовъ. При этомъ двѣнадцать оправдывающихъ и одиннадцать обвиняющихъ голосовъ (при минимальномъ количествѣ судей въ числѣ двадцати трѣхъ, — голосъ предсѣдателя равенъ прочимъ судьямъ) даютъ оправдательный приговоръ, — двѣнадцать обвинительныхъ и одиннадцать оправдательныхъ, или по одиннадцати оправдательныхъ и обвинительныхъ при одномъ воздержавшемся, даже при двадцати двухъ оправдывающихъ или обвиняющихъ и одномъ воздержавшемся, — требуется прибавленіе судей по два — до полного состава синедриона изъ семидесяти одного члена (Тос: пока не получится большинства одного голоса для оправ-

данія или большинства двухъ голосовъ для обвиненія) Въ послѣднемъ случаѣ если тридцать шесть обвиняютъ и тридцать пять оправдываютъ, то спорять другъ съ другомъ дотолѣ, пока одинъ изъ обвиняющихъ не перейдетъ въ оправдывающіе (Мишна Санг V, 1—5 Пер. 275—278 Sur. 230—232 и соотв. гемару Вавилонскаго Талмуда). Собираніе голосовъ производилось секретарями, начиная съ младшихъ членовъ суда (Санг. IV, 2 Пер. 267 Sur. 227). Предсѣдатель объявляетъ приговоръ подсудимому (ср. III, 6 Пер. 263 Sur. 224: старшій взъ судей говоритъ: „такой то, ты правъ“ или „такой то, ты повиненъ“,—ср. *ἔτοχος δαπάνου ἐστί* Мѡ. 26, 66 Мк 14, 64).

Весь уголовный процессъ былъ направленъ къ тому, чтобы устранить возможность осужденія невиннаго и исчерпать все средства къ оправданію подсудимаго. Даже послѣ приговора, въ теченіи тридцати дней, самъ приговоренный и всякій могъ заявлять свидѣтельство къ его оправданію Судъ обязанъ былъ разсмотрѣть и, въ случаѣ основательности свидѣтельства, отмѣнить обвинительный приговоръ (Санг. III. 8 Переф. 264 Sur. 224—225). Сорока дневный срокъ отъ объявленія приговора до казни указанъ и въ свидѣтельствѣ Вавилонской Гемары о Христѣ Sanh. 43a Gold. 181, 1—8 (см. выше). Тосефта 7, 7 Переф. 270: въ гражданскихъ дѣлахъ объявляется (старшимъ изъ судей): „дѣло выяснилось“ (т. е. пренія закончены), а въ дѣлахъ уголовныхъ не объявляется; „дѣло выяснилось“ (слѣдовательно допросъ и разслѣдованіе могли всегда начинаться снова, по заявленію самого приговореннаго и всякаго имѣющаго показаніе въ его оправданіе). По Мишнѣ Санг. VI, 4 и Сифре къ Втор. 21, 22—23 Переф. 281—282 Ug XV, 1265 отд. *reeb* Sur. 235 въ одинъ день нельзя присудить къ смертной казни и казнить болѣе одного. Во весь день судьи не вкушаютъ пиши Sanhedr. 63a Gold 7, 267, 17—18 ср. Makkoth 14b Gold 7, 573, 5—7.

По окончаніи суда, приговореннаго (къ смерти) выводятъ къ мѣсту казни (VI, 1 Пер. 278 Sur. 233).

Въ уголовномъ кодексѣ евреевъ указаны четыре смертные казни: каменобитіе, убіеніе мечомъ, сожженіе и удушеніе (Сангедр. гл. VII—XI ср. Іос. Фл. Antiq. XIV, 9, 3). Сожженію подлежали: сожительствовающій съ женщиною и ея дочерью и дочь священника блудница,—убіенію мечемъ: убійца и жители совращеннаго города (IX, 1 Пер. 300—301 ср. VII, 1—3 Пер. 284—285).

Но для насъ важна теперь собственно казнь побіенія камнями. Процедура ея подробно описывается въ Мишнѣ „Мѣсто (побіенія камнями) находилось внѣ суда. Одинъ (изъ воиновъ) стоялъ у входа суда съ платкомъ въ рукѣ, а другой сидѣлъ на конѣ въ такомъ разстояніи, что могъ видѣть перваго. Если кто нибудь говоритъ: „у меня есть доводъ въ его оправданіе“, тотъ (стоящій у входа) махаетъ платкомъ, а сидящій на конѣ мчится и останавливаетъ его (осужденнаго, ведомаго на казнь). Хотя бы онъ самъ сказалъ: „у меня есть доводъ въ мое оправданіе“, его возвращаютъ, даже четыре и пять разъ, если только есть существенное въ его словахъ. Если для него нашли оправданіе, его отпускаютъ, а если нѣтъ, онъ вы-

ходить на казнь. Глашатай идетъ впереди (и восклицаетъ): „такой—то сынъ такого-то идетъ на казнь за то, что совершилъ такое-то преступленіе,—и такой-то съ такимъ-то его свидѣтели,—всякій, кто зваетъ для него оправданіе, пусть придетъ и приведетъ свой доводъ“. Тосефта ограничиваетъ: „въ первый, второй и третій разъ (его возвращаютъ), будетъ ли существенное въ его словахъ или нѣтъ,—а далѣе—если есть суще-твенное въ его словахъ, его слушаютъ, а если нѣтъ, не слушаютъ“ (VI, 1 Переф. 278—279 Sur. 233).

На разстояніи около десяти локтей отъ мѣста казни приговоренному предлагаютъ покаяніе въ грѣхахъ своихъ, ибо всякій кающійся (изъ казнимыхъ по суду) имѣетъ удѣлъ въ будущей жизни. Тосефта сообщаетъ случай, что когда мудрецы (судьи) узнали о невинно приговоренномъ къ казни, они заплакали и сказали: вернуть невозможно, ибо приговоръ объявленъ (вариантъ: дѣлу не будетъ конца), *но да будетъ кровь его на его свидѣтеляхъ* (VI, 2 Переф. 279—280 Sur. 234).

За четыре локтя (ок. 44 вершковъ) до мѣста казни приговореннаго раздѣляютъ: по р. Іудѣ ему оставляютъ покрытіе спереди, а женщинѣ спереди и сзади, но общее рѣшеніе мудрецовъ такое: мужчина побивается голымъ, а женщина не побивается голой. Мѣсто казни было вышиною въ два человѣческихъ роста. Одинъ изъ свидѣтелей бросаетъ первый камень. Если казнимый остается живъ, бросаетъ другой свидѣтель, и если не умретъ, бросаютъ всѣ. По р. Эліэзеру всѣ побитые камнями вѣшаются на деревья, а мудрецы говорятъ: вѣшаются лишь богохульникъ и идолослужитель. Мужчину вѣшаютъ лицомъ къ народу, а женщину, по словамъ р. Эліэзера, лицомъ къ дереву, а мудрецы говорятъ, что женщину не вѣшаютъ. Въ землю втыкаютъ столбъ, изъ котораго выходитъ вѣтвь (сукъ), ему складываютъ руки одну на другую и вѣшаютъ (на рукахъ). По р. Іосе, столбъ приклоняется къ стѣнѣ и его вѣшаютъ такъ, какъ это дѣлаютъ мясники. Затѣмъ его тотчасъ отвязываютъ и погребаютъ, чтобы не былъ нарушенъ законъ (Второз. 21, 23). Его не хоронили въ гробницѣ его предковъ, но были приготовлены для суда двѣ гробницы: одна для казненныхъ мечомъ и удушенныхъ, а другая для побитыхъ камнями и сожженныхъ. Когда плоть истлѣетъ, собираютъ кости и хоронятъ ихъ въ ихъ мѣстѣ. т. е. въ родовой гробницѣ (Машна Санг. VI, 3—5 Переф. 280—284 Ср. Sifre къ Втор. 21, 22—23 vol *ki-theze* Пер. пр. 281—282 и Ugolini Thesaur. XV, 763—765: если вѣшается богохульникъ, поднявшій руку на Основу—Бога, то и всякій поднявшій руку на Основу т. е. идолопоклонникъ, а р. Эліэзеръ заключаетъ: и всякій побитый камнями. Но его не вѣшаютъ живымъ, какъ это дѣлаетъ римское правительство).

Побіенію камнями подвергались: сожительствующій съ матерью, мачехой, снохой, женщиной, скотомъ, женщина скотоложница, сожительствующій съ отроковицею-обручницею, злословящій отца и мать, сынъ буйный и непокорный, ворожея, идолопоклонникъ, отдающій дѣтей своихъ Молоху, вызыватель мертвецовъ, волшебникъ, *бого-*

хульникъ, осквернитель субботы, совратитель—меситъ и совратитель—медианъ. (VII, 4 Пер. 285 Sur. 248—249). Для насъ важны послѣднія четыре, какъ соприкосновенные тѣмъ обвиненіямъ, какія ввели на Христа.

„*Богохульникъ* отвѣчаетъ лишь тогда, если полностью назоветъ *Имя*“ (Ср. Лев. 24, 15—16). Во время суда свидѣтели не употребляютъ слышанное имя, но употребляютъ описательное: кинуй—пусть Іосе поразитъ Іосе, А когда приговоръ постановленъ, не убиваютъ на основаніи описательнаго выраженія, но выводятъ всѣхъ людей вонъ и оставляютъ старшаго изъ свидѣтелей и говорятъ ему: скажи полностью, что ты слышалъ,—и онъ говоритъ, а судьи стоятъ на ногахъ своихъ и разрываютъ одежду свою, которая не шпятся на ногахъ своихъ и разрываютъ одежду свою, которая не шпятся,—второй говоритъ: я (слышалъ) то же, что и онъ“ и третій свидѣтель говоритъ: „я—то же, что и онъ“ (VII, 5 Пер. 287—288 Sur. 241). Хотя р. Меиръ въ *Sifra* къ Лев. 24, 15—16 распространяетъ богохульство на всѣ, и нарицательныя, имена, но общее мнѣніе мудрецовъ ограничиваетъ однимъ—только собственнымъ (Ягве) и исключаетъ нарицанія (*Sifra*, vol. *amor*, cap. XIX, п. 5, Ugolini Thes. XIV, 1515 Пер. 287 прим. 5 *Sp. Sanh.* 60a Gold. 255, 5—13. *Sp. Ios.* Флав. *Antiq.* IV. 8, 6 Niese vol. 1 p. 265 и Мѣ. 9, 3 и пар.). *Осквернитель субботы*—дѣломъ, коего сознательное совершеніе наказуется смертю: Числ. 15, 32—36 и *Sifre* къ ней (VII, 8 Пер. 290 и 2, 8—9 *Ug XV*, 259 sq отд. *schelach*): *Совратитель—меситъ* (ср. Втор. 13, 7—12)—частный человѣкъ и совращающій частнаго же человѣка въ другую религію. *Совратитель медианъ*, кто совращаетъ многихъ (VII, 10 и *Sifre* къ Втор. 13, 7—12 Переф. 291—293 отд. *geeh Ug XV*, 647 сл. Къ этой категоріи близки преступленія, подлежащія удруженію: кто бьетъ отца и мать, кто украдетъ еврея, *ученый не подчиняющійся рѣшенію суда* (для уясненія этого постановленія надо имѣть въ виду, что по Мишнаі ХІ или Х, 3, погрѣшность противъ книжниковъ важнѣе погрѣшности противъ закона, такъ что, напримѣръ, отвергающій обязательность тефиллиновъ считается свободнымъ отъ вины, а допускающій для тефиллиновъ пять помѣщеній вмѣсто раввинскихъ четырехъ оказывается подлежащимъ отвѣтственности). *Лжепророкъ* (пророчащій чего не слышалъ свыше и что не было сказано ему), *пророчащій отъ имени языческаго божества* (XI, 1—6 Пер. 317—322).

Для *совратителя* дозволяется устройство засады свидѣтелей. „Ни для кого изъ подлежащихъ смертной казни по опредѣленію Торы (Закона Моисеева) не устраиваютъ засады, кромѣ этого. Если онъ говорилъ двумъ свидѣтелямъ и они свидѣтельствуютъ противъ него, то его приводятъ въ судъ и побиваютъ камнями. Если онъ говорилъ одному, то этого отвѣчаетъ: „у меня есть товарищи, которые также примкнуть къ этому“ (т. е. къ ученію совратителя). Если тотъ (совратитель) хитеръ или не можетъ говорить при нихъ, то помѣщаютъ свидѣтелей въ засаду за стѣною, и онъ (свидѣтель) говоритъ ему (совратителю): „скажи то, что ты сказалъ мнѣ наединѣ“. И тотъ говоритъ ему. На это онъ (свидѣтель-обвинитель) возражаетъ,

„какъ же намъ оставить нашего Бога, который на небесахъ, и пойти служить камню и дереву“. Если тотъ (совратитель) раскается, хорошо. Если же онъ скажетъ: „таковъ нашъ долгъ и такъ для насъ лучше“, то находящіеся въ засадѣ приводятъ его въ судъ и побиваютъ камнями. Тосефта еще болѣе расширяетъ отступленія отъ уголовного кодекса для совратителя: въ засаду посылаются два молодыхъ ученыхъ и они должны видѣть его, для чего зажигаютъ свѣтильники, и слышать его голосъ; такую засаду учинили съ Бен-Сатедой въ Лиддѣ, котораго привели на судъ и побили камнями (Сатеда—поносное названіе Христа въ Талмудѣ),—его дѣло начинаютъ днемъ и кончаютъ даже ночью,—начинаютъ и кончаютъ въ тотъ же день, какъ при оправдательномъ такъ и при обвинительномъ приговорѣ,—большинство одного голоса достаточно и для оправданія и для обвиненія,—оправдательный доводъ можно мѣнять на обвинительный,—скопецъ и бездѣтный могутъ засѣдать при разборѣ его дѣла, а р. Іуда прибавляетъ и немилостиваго (VII, 10 и Тосефта Переф. 291—294 Sur. 245—246).

По Мишиѣ (XI или X, 2—4 Пер. 319—320 Sur. 255—258) ученый, не подчиняющійся рѣшенію суда,—а по Тосефтѣ и сынъ буйный и непокорный, совратитель, лжепророкъ и злостные свидѣтели, подлежащіе смертной казни,—не убиваются тотчасъ же ни въ судѣ ихнихъ городовъ, ни въ судѣ ямнійскомъ, но ихъ приводятъ къ великому суду (синедріону), что въ Іерусалимѣ, и держатъ подъ стражей до праздника (*регелъ*—*большаго*) и казнятъ въ праздникъ, согласно Второз. 17, 13: „и весь народъ услышитъ и убоится и не будетъ впредь поступать дерзко—это слова р. Акибы (ок. 125 г. по Р.Х.). А р. Іуда (ок. 200 г. по Р.Х.) говоритъ: не откладываютъ казни, но тотчасъ же казнятъ, причемъ пишутъ и посылаютъ пословъ во всѣ мѣста: „такой то сынъ такого то приговоренъ къ смерти судомъ (Тосефта прибавляетъ) такихъ то, такіе-то были его свидѣтели, то и то онъ сдѣлалъ, то и то сдѣлали ему“ (Тосефта XI, 7 Переф. 298)

Кромѣ того Мишна знаетъ преступленія (кто похищаетъ жертвенную чашу, ругаетъ идоломъ, сожительствуетъ съ язычницею), за которые допускается убіеніе безъ суда отъ руки ревнителей (каннани) и умерщвленіе нечистаго священника, совершившаго богослуженіе, подростками священническими (IX, 6 Пер. 306 и Sur. 253 ср. Дн. 23, 12 дал. Ios. Bell IV, 5, 4 Niese § 340 сл.).

Нужно впрочемъ замѣтить, что власть синедріона значительно стѣснялась свѣтскими властями, особенно царями Іанеемъ и Иродомъ. О первомъ Талмудъ сообщаетъ, что въ его присутствіи синедріонъ не осмѣлился осудить его слугу за убійство (*Sanh* 19a Gold 7, 67, 15—68, 3). А объ Иродѣ, когда власть находилась въ рукахъ его отца Антипатра и самъ Иродъ былъ правителемъ Галилеи, Іосифъ Флавій разсказываетъ, какъ онъ, вызванный въ Іерусалимъ на судъ синедріона за казнь нѣкогого Езекинъ разбойника и его товарищей безъ синедріонскаго приговора,—явился въ Іеру-

салимъ съ отрядомъ охраны, намѣреваясь не подчиняться приговору, — и какъ синедріонъ не рѣшился осудить Ирода, который потомъ удалился изъ Іерусалима съ явнымъ пренебреженіемъ къ этому верховному іудейскому суду (Antiq. XIV. 9. 3—5 Niese III стр. 270—274). Наконецъ, когда Іудея была подчинена римскимъ намѣстникамъ, права синедріона еще болѣе сѣззились. Талмудъ сообщаетъ, что за сорокъ лѣтъ до разрушенія храма іерусалимскаго синедріонъ былъ лишенъ права смертной казни, безъ утвержденія римскаго правителя Sanh. 41a Gold. 7. 172. 14—17 ср. Ін. 18, 31 и Berachoth 58a Gold. 1. 214. 11—12: „со дней изгнанія изъ земли (т. е. лишенія политической свободы Римлянами) нѣтъ у насъ власти умершвлять“. Убіеніе Стефана (Дн. 7. 51—58) и Іакова брата Господня (Евсевій, Церк. Ист II, 23. 1—18 ed. Henrich. p. 88 сл.) было своеволіемъ со стороны синедріона въ отсутствіе римскихъ правителей. Послѣднее было совершено по настоянію архіерея Анана младшаго, сына Анана старшаго, убійцы Христа (родовая вражда), послѣ смерти Феста и до прибытія Альбина. Но когда Альбину было донесено, что „Анану нельзя было собирать синедріонъ безъ одобренія намѣстника“ (οὐκ ἔστιν ἢ τῷ Ἀνάτορ χορὴς τῆς ἐκκλησίας καὶ οὐδὲν συνέδριον), тотъ написалъ ему гнѣвное письмо, а Агриппа, боясь гнѣва Альбина, лишилъ Анана архіерейства, хотя онъ уже исполнялъ эту должность три мѣсяца (Antiq. XX, 9, 1—2 Niese IV, стр. 309—311). Самоволіе свѣтскихъ властей и безсиліе духовныхъ, и въ частности синедріона, доказывается также сообщеніемъ р. Бар-Хана отъ имени р. Іоханана: „слова Притч. 10, 27: „страхъ Господень прибавляетъ дни“ относятся къ первому храму, который существовалъ 410 лѣтъ и въ немъ служило 18 архіереевъ, — а слова: „лѣта нечестивыхъ сократятся“ относятся ко второму храму, который существовалъ 420 лѣтъ и въ немъ служило болѣе 300 архіереевъ, такъ что, если исключить 40 лѣтъ служенія Симона Праведнаго, 18 лѣтъ Іоханана, 10 лѣтъ Измаила с. Фаби и, какъ нѣкоторые говорятъ, 11 лѣтъ Р. Элеазара б. Харсома, то ни одинъ изъ нихъ не пережилъ года своего (служенія)“. Ioma 9a Gold. 2, 770, 3—14. Ср. Тос. Ioma 1, 5 Ug. XVIII, 159 Пер. 2, 319 тоже Іоан. 11, 49: ἀρχιερεῖς τοῦ ἑνιαυτοῦ ἐμείρου о Каиафѣ. Іосифъ Флавій Antiq. XX, 40 N. § 250 говоритъ о 28 архіереевъ за 107 лѣтъ, отъ Ирода до разрушенія храма Титомъ. Ср. его сообщенія о самовластіи Ирода надъ архіереями въ Antiq. XV. 9, 3 N. 3. 389—390, о Бозеосѣ.—XVII, 4, 2 § 78, о Матеѣ и XVII, 6, 4 § 164 объ Іоазарѣ. Ср. указанія на синедріонъ въ Дн. 4, 15.—5, 21 сл. 6, 12.—22, 30.—23. 1—28.—24, 20.—Іосифа Флавія Ant. XVII, 3. 1 и XX, 9, 1. 6.—Vita 12.—Bell. IV, 5, 4. Полное презрѣніе къ синедріону обнаружили также Зилоты въ дѣлѣ Захаріи сына Вариса: Ios. Bell. IV, 5, 4 см. цитатъ въ § VIII прим. Ant. XIV, 9. 4 Шевуотъ II, 2 Sur. 4. 296 Пер. 372.

Приложеніе 2-е къ §§ VIII—IX: свидѣтельства о сектарахъ іудейскихъ. Іосифа Флавія классическое мѣсто въ Bell. jud. II. 8, 1—14 Niese §§ 117—166 p. 176—186.

Когда владѣнія Архелая были обращены въ Римскую провинцію, туда посылается начальникомъ Копоній, принадлежавшій къ классу Римскихъ всадниковъ, надѣленный отъ Кесаря властью даже смертной казни. При немъ нѣкій Галилейскій мужъ именемъ Иуда возбуждалъ туземцевъ къ огпаденію, порицая ихъ за то, что они допускаютъ платить подати Римлянамъ и послѣ (кроме) Бога признають смертныхъ владыкъ Онъ былъ основателемъ собственной секты, ни въ чемъ не сходной съ другими.

Три вида философіи есть у Іудеевъ. Послѣдователи одной называются фарисеями, другой саддукеями, а третья, отличающаяся особенною строгостью жизни—ессейми, кои хотя и суть Іудеи родомъ, но болѣе другихъ (Іудеевъ) любятъ другъ друга Они огвращаются отъ удовольствій какъ отъ зла, а воздержаніе и не подверженность страстямъ считаютъ добродѣтелью. Къ браку у нихъ оказывается презрѣніе, но они берутъ чужихъ дѣтей для обученія, когда тѣ находятся еще въ нѣжномъ возрастѣ,—считаютъ ихъ своими родственниками и образовываютъ по своимъ нравамъ. Впрочемъ они не отрицаютъ (принципіально и безусловно) брака и потомство отъ него, но берегутъ себя отъ невоздержности женщинъ и убѣждены, что ни одна не сохраняетъ вѣрности одному (мужу). Они питаютъ пренебреженіе къ богатству и имѣютъ удивительное общеніе (имущества), такъ что у нихъ нельзя найти никого имѣющаго болѣе другихъ. Они считаютъ закономъ, чтобы вступающіе въ секту отдавали имѣніе общинѣ, такъ что между всѣми ими не оказывается ни унижительнои бѣдности ни чрезмѣрнаго богатства, но, при смѣшеніи владѣній каждаго, существуетъ одно имущество, какъ бы всѣ были братьями. Нечистоту считаютъ масломъ и если кто даже неволью будетъ помазанъ имъ, онъ вытираетъ тѣло. Предпочитаютъ ходить всегда сухими и въ бѣломъ полотнѣ. У нихъ есть выборные попечители объ общихъ дѣлахъ (*χειροτονητοί οἱ τῶν κοινῶν ἐπιμεληταί*) и каждый безраздѣльно заботится о нуждахъ всѣхъ. Нѣтъ у нихъ какого нибудь одного города, но въ каждомъ живетъ ихъ много. Приходящимъ изъ другихъ мѣстъ послѣдователямъ ихъ секты все, что есть у нихъ, бываетъ открыто такъ, какъ бы ихъ собственностью, и къ тѣмъ, кого они никогда не видали, они входятъ какъ къ своимъ ближайшимъ знакомымъ. Посему и совершаютъ свои путешествія, совсѣмъ ничего не имѣя при себѣ, но съ оружіемъ, ради разбойниковъ. Въ каждомъ городѣ имѣется у нихъ особый попечитель надъ странниками, надѣляющій ихъ одеждою и другимъ продовольствіемъ Одежда и видъ тѣла у нихъ похожи на дѣтей, воспитываемыхъ со страхомъ. Ни одежды ни обуви они не мѣняють дотолѣ, пока прежнія совсѣмъ не изорвутся или не пропадутъ отъ времени. Ничего другъ другу ни продають ни покупають одинъ у другаго, но нуждающемуся даетъ каждый, что есть у него, и самъ беретъ у того все нужное для себя. И такое безпрепятственное полученіе, у кого что хотять, бываетъ у нихъ безъ возврата.

Они особеннымъ отличаются благоговѣніемъ къ Богу. Прежде чѣмъ взойдетъ солнце, не произносятъ ничего мірскаго, но только

нѣкоторыя отеческія молитвы къ Нему, какъ бы молясь о томъ, чтобы оно возшло. Послѣ этого надзирателями разсылаются на ремесла, какія каждый знаетъ. Такъ проработавъ непрерывно до пятиаго часа. (ок. 11 ч. дня) опять собираются въ одно мѣсто и, опоясавшись льняными покроями, въ такомъ видѣ обмываютъ тѣло холодною водою, а послѣ этого очищенія вступаютъ въ свое жилище, куда входъ не дозволяется никому изъ принадлежащихъ къ другимъ сектамъ. Чистые, они появляются въ трапезную какъ въ нѣкій святой храмъ. Послѣ того какъ возсядутъ съ молчаніемъ, хлѣбникъ раздаетъ хлѣбы въ порядкѣ, а поваръ ставитъ предъ каждымъ одинъ сосудъ изъ одного кушанья. Саященникъ (*προκατέχεται ὁ ἱερεὺς*) творитъ молитву предъ пищею, и до молитвы никому вкушать не дозволено. По окончаніи ѣды опять молится. Начиная и кончая, они славятъ Бога, какъ подателя жизни. Потомъ, снявъ съ себя какъ бы священные одежды, опять обращаются къ трудамъ до вечера. По возвращеніи подобнымъ же образомъ ужинаютъ, сажая съ собою гостей, если какіе случатся у нихъ. Ни крикъ ни шумъ никогда не позоритъ ихъ жилища, но они уступаютъ рѣчь другъ другу въ порядкѣ. И находящимся внѣ жилища это молчаніе пребывающихъ внутри его кажется какою то страшною тайною. Причина сего—постоянная трезвость и умѣренное употребленіе у нихъ пищи и питья (только) до сытости.

Изъ всѣхъ другихъ дѣлъ нѣтъ такого, которое они совершаютъ безъ приказанія надзирателей (*ἐπειρητῶν*), но слѣдующія два у нихъ—во власти каждаго: помощь и милость, ибо имъ дозволяется и самимъ по себѣ помогать достойнымъ, когда бы что ни потребовалось имъ, и доставлять пищу нуждающимся. Но подарки родственникамъ нельзя дѣлать безъ надзирателей (*ἐπιτρόπων* ср. языч. іуд. и христ. *ἐπίβολοι*). Они—правдивые хранители гнѣва, укротители ярости, блюстители вѣрности, служители мира. Все сказанное ими крѣпче клятвы и клясться у нихъ считается хуже клятвопреступленія, ибо тотъ осужденъ уже, говорятъ, кому не вѣрять безъ Бога. Чрезвычайно трудятся надъ сочиненіями древнихъ, выбирая преимущественно служащія къ пользѣ души и тѣла. Отсюда у нихъ для исцѣленія страданій изслѣдуются корни, врачебное искусство и свойства камней.

Желающимъ вступить въ ихъ секту не тотчасъ открывается доступъ, но въ теченіи года онъ остается внѣ, и его подвергаютъ тому же самому образу жизни, давая ему лопатку, вышеназванное описаніе и бѣлую одежду. Если за это время онъ выдержитъ испытаніе въ воздержаніи, то приступаетъ ближе къ ихней жизни употребляетъ для омовенія чистѣйшую воду, но еще не принимается въ общеніе. Послѣ доказательства своей твердости еще два другие года испытывается его нравъ и, оказавшись достойнымъ, вводится въ ихъ общество. Но прежде чѣмъ коснется общей пищи, онъ клянется предъ ними ужасными клятвами во первыхъ имѣть благочестіе къ Божеству, а потомъ въ отношеніи къ людямъ соблюдать правду, никому не вредить ни по собственной волѣ ни по повелѣ-

нію, но всегда ненавидѣть неправедныхъ и сподвизаться съ праведными, всегда оказывать всѣмъ вѣрность, особенно же владычествующимъ (державствующимъ), ибо безъ Бога ни у кого не бываетъ начальства,—а если самъ будетъ начальникомъ, то никого не обижать своею властью и не отличатся отъ подчиненныхъ ни одеждою какою, ни излишнимъ украшеніемъ,—всегда любить истину и лжецовъ обличать,—руки хранить отъ воровства и душу соблюдать чистою отъ нечестиваго пріобрѣтенія,—ничего не скрывать отъ своихъ собратьевъ и другимъ ничего не открывать, хотя бы кто принуждался къ этому даже смертію. Кромѣ того клянется никому не передавать своихъ догматовъ (ученія) иначе, нежели какъ самъ принялъ, воздерживаться отъ грабительства и сохранять одинаково какъ книги своей секты такъ и имена ангеловъ. Такими клятвами обязываютъ они вступающихъ

Подвергшихся тяжкимъ грѣхамъ они изгоняютъ изъ секты, и отлученный часто погибаетъ жалкою смертію. Связанный клятвами и обычаями, онъ не можетъ получать пищи у другихъ, но погибаетъ, питаясь травою и изнурая тѣло голодомъ. Посему, сжалившись, принимали многихъ при послѣднемъ издыханіи, считая достаточнымъ испытаніе ихъ за грѣхи до самой смерти.

Въ судахъ они въ высшей степени точны и правдивы. Судящихъ собравшись не менѣе ста человекъ, и опредѣленіе ихъ непоколебимо. Великимъ благоговѣніемъ у нихъ пользуется послѣ Бога имя Законодателя и, если кто высказываетъ хулу на Него, тотъ наказуется смертію. Считаютъ обязанностью повиноваться старцамъ (*presbiteris*) и большинству: такъ (напримѣръ) если возсѣдаютъ десятеро, то одинъ кто либо не можетъ говорить противъ девяти. Остерегаются плевать въ середину (прямо) или на правую сторону и преимущественно предъ всѣми іудеями—приниматься за дѣла по седмицамъ. Не только приготавливаютъ пищу себѣ за одинъ день впередъ, чтобы не зажигать огня въ тотъ день, но и не осмѣливаются передвинуть какой либо сосудъ и даже уходить для испражненія. Въ другіе же дни вырывая ямку, глубиною въ футъ (11—12 дюймовъ), особою копалкою,—это и есть даваемая ими лопатка нововступившимъ,—и покрывъ верхнюю одежду, чтобы не оскорблять лучей Бога, садятся въ нее. Потомъ выкопанною землею засыпаютъ ямку. Дѣлаютъ это, избирая самую уединенную мѣста. И хотя выдѣленіе нечистотъ вполне естественное дѣло, но у нихъ принято омываться послѣ него, какъ осквернившимся.

По времени подвижничества (пребыванія въ сектѣ) они раздѣляются на четыре разряда, и послѣ вступившіе предъ своими предшественниками являются настолько ниже, что если тѣ дотронутся до нихъ, они омываются, какъ отъ соприкосновенія съ иноплеменикомъ. Они долговѣчны, такъ что многіе проживаютъ выше ста лѣтъ, благодаря простотѣ жизни, мнѣ кажется, и порядочности. Они презираютъ бѣдствія и муки преодолеваютъ разумомъ, даже смерть, если она приходитъ съ доброю славою, считаютъ лучше безсмертія (постыднаго). Война съ римлянами во всемъ раскрыла ихъ души.

когда они, подвергаясь пыткам—вытягиванію и скручиванію членовъ, жженію, переломамъ, и проходя чрезъ всѣ орудія пытокъ изъ-за того, чтобы или похулили Законодателя или сѣли что не дозволенное,—не только не допустили сдѣлать ничего такого, но даже и хотя бы польстить чѣмъ либо своимъ мучителямъ или заплакать. Напротивъ, улыбаясь среди мукъ и насмѣхаясь надъ совершителями пытокъ, они радостно выпускали свои души, надѣясь снова получить ихъ.

Есть у нихъ твердое убѣжденіе въ томъ, что тѣла тѣлны и вѣщество ихъ не постоянно, а души всегда пребываютъ безсмертными и, увлекаемая нѣкою естественною прелестью, удалившись изъ тончайшаго эира, соплетаются съ тѣлами какъ бы съ тюрьмами, а когда взлетаютъ изъ плотскихъ узъ, какъ освобожденные отъ продолжительнаго рабства, радуются тогда и уносятся вверхъ. И въ единомысліи съ сынами (древне лит: мнѣніями) Еллиновъ учатъ, что душамъ добрымъ назначена жизнь за океаномъ и страна, не подверженная ни дождямъ, ни снѣгамъ, ни жару, но ее освѣжаетъ постоянно дующій съ океана нѣжный вѣтерокъ. А душамъ дурнымъ они удѣляютъ мрачную и холодную пропасть, избилующую непрестанными наказаніями. И еллины, какъ мнѣ кажется, согласно точно такому же мнѣнію, мужественнымъ изъ нихъ, конхъ называютъ героями и полубогами, усвояютъ острова блаженныхъ, а душамъ злыхъ—въ аду страну нечестивцевъ, гдѣ, по ихъ мнѣнію, и терпятъ наказанія нѣкоторые—Сизифы и Танталы, Иксионы и Титіи,—утверждая этимъ самымъ во-первыхъ, что души безсмертны, а потомъ—для поощренія добродѣтели и отвращенія отъ порока. Въдѣ добрые дѣлаются лучшими по жизни отъ надежды на награду и послѣ кончины, а влеченія злыхъ укрощаются страхомъ ожиданія, что если и скроются въ этой жизни, послѣ разрѣшенія (отъ тѣла) подвергнутся безсмертному наказанію. Такъ ессеи богословятъ о душѣ, увлекая разъ вкусившихъ ихъ мудрости непреодолимою прелестью.

Есть между ними и такіе, кои увѣряютъ, что обладаютъ предвѣдѣніемъ будущаго, занимаясь священными книгами, различными очищеніями и изреченіями пророковъ. И рѣдко когда ошибаются въ своихъ предсказаніяхъ.

Есть и другой классъ есеевъ, единомысленный съ прочими въ жизни, нравахъ и законахъ, но различающійся только мнѣніемъ о бракѣ. Они думаютъ, что пресѣкаютъ большую часть жизни—продолженіе своего рода тѣ, кои не вступаютъ въ бракъ,—даже болѣе, если бы всѣ такъ мыслили, то весьма скоро прекратился бы родъ (человѣческій). Впрочемъ въ теченіи трехъ лѣтъ испытываютъ своихъ сожительницъ (*γαιήδες*) и если трижды очистятся въ испытаніи способности рождать, въ такомъ случаѣ берутъ ихъ въ жены. Съ беременными же не сообщаются, показуя, что вступаютъ въ бракъ не ради удовольствія, но по нуждѣ нѣ дѣтяхъ. Моются женщины, облеченные въ одежды, какъ мужчины въ опаясаніи.

Таковы нравы этой секты.

А изъ двухъ первѣйшихъ сектъ фарисеи считаются точными истолкователями закона и составляютъ главную секту. Они приписываютъ все Промыслу и Богу, и дѣлать и не дѣлать справедливое большею частью зависитъ отъ человѣка, а Промыслъ помогаетъ въ каждомъ (добромъ) дѣлѣ,—всякая душа безсмертна и переходитъ въ другое тѣло только души добрыхъ, а души дурныхъ подвергаются вѣчному наказанію.

Саддукеи, вторая секта, совсѣмъ уничтожаютъ Промыслъ и ставятъ Бога внѣ совершенія какого либо зла или наблюденія, но говорятъ, что добро и зло предлежатъ на избраніе людей и каждый по своей волѣ приступаетъ къ тому и другому изъ нихъ,—отрицаютъ пребываніе (безсмертіе) души, какъ и награды и наказанія въ аду.

Между тѣмъ какъ фарисеи отличаются любовью другъ къ другу и держатся единомыслія въ общемъ дѣлѣ, саддукеи даже и въ отношеніи другъ къ другу обнаруживаютъ звѣрскіе нравы и при сношеніяхъ съ подобными себѣ (т. е. саддукеями) безчеловѣчны какъ съ чужими.

Вотъ что имѣлъ я сказать о философствующихъ среди Іудеевъ.

Antiq. XIII, 5, 9 Niese vol. III, §§ 171—173 pag. 182. Въ это время три секты іудейскія были, кои различно думали о человѣческихъ дѣлахъ, изъ коихъ одна называлась Фарисейскою, другая Саддукейскою, а третья Ессейскою. Фарисеи говорятъ, что нѣчто, но не все, бываетъ дѣломъ Промысла (*τῆς εἰσασιένης*), а нѣчто отъ самихъ себя (само собою) можетъ какъ быть, такъ и не быть. Секта Ессеевъ учить, что Промыслъ есть владыка всего и у людей не случается вичего, что не отъ его опредѣленія. А Саддукеи отрицаютъ Промыслъ, думая, что его нѣтъ совсѣмъ и что человѣческія дѣла совершаются не по его опредѣленію, но все находится во власти насъ самихъ, такъ что мы бываемъ и виновниками благъ и принимаемъ худо по нашему безразсудству. Но болѣе точное разъясненіе о нихъ я сдѣлалъ во второй книгѣ Іудейской Войны (см. выше II, 8, 2—14).

Antiq. XIII, 10, 5—6 Niese vol. III. §§ 288—298 p. 204—206. Благополучіе Гиркана вызвало зависть со стороны іудеевъ. Особенно фарисеи плохо относились къ нему, составлявшіе одну изъ сектъ іудейскихъ, какъ указали мы выше. Они у народа имѣютъ такую силу, что имъ вполне вѣрятъ, когда они говорятъ какъ противъ царя такъ и противъ архіерея. Ученикомъ ихъ былъ и Гирканъ и пользовался у нихъ большою любовью. Однажды онъ призвалъ ихъ на пиръ и принялъ весьма радушно. Когда же увидалъ, что они очень довольны, началъ говорить имъ, что они знаютъ его желаніе быть праведнымъ и всѣ его старанія угодить Богу и имъ, ибо фарисеи имѣютъ свою философію. Онъ просилъ ихъ, если замѣтятъ его погрѣшающимъ и уклоняющимся отъ праведнаго пути, снова наставлять его и направлять на этотъ путь. Когда они засвидѣтельствовали о его всякой добродѣтельности, онъ обрадовался похваламъ ихъ. Но одинъ изъ гостей, нѣкто Елеазаръ по имени, че-

ловѣкъ злонравный и придирчивый сказалъ: „если хочешь знать правду и желаешь быть праведнымъ, сложи архіерейство и удовольствуйся только начальствомъ надъ народомъ“. Когда же спрашивали его о причинѣ, по коей Гирканъ долженъ бы сложить архіерейство, отвѣтили: „потому что мы слышимъ отъ стариковъ, что мать твоѣ была плѣнницею царя Антиоха Епифана“. Это была ложь, и Гирканъ разсердился на него и всѣ фарисеи также сильно вознегодовали. Тогда одинъ изъ саддукейской секты, которая держится противоположнаго фарисеймъ ученія, самый близкій другъ Гиркана. Ионаѣ сталъ говорить, что Елеазаръ выразилъ порицаніе Гиркану согласно общему мнѣнію всѣхъ фарисеевъ и что это будетъ ясно для него, если онъ спроситъ у нихъ, какого наказанія заслуживаетъ Елеазаръ за свои слова. Но когда Гирканъ спросилъ фарисеевъ, какого наказанія достойнымъ считаютъ они его,—Гирканъ былъ убѣжденъ, что хула Елеазара не была согласна съ ихъ мнѣніемъ и что они назначать ему соотвѣтственное наказаніе,—они отвѣтили: ударовъ и тюрьмы. Такимъ образомъ имъ не разсудилось казнить смертью за клевету, *какъ и вообще фарисеи по характеру своему снисходительно относятся къ наказаніямъ*. На это весьма разгнѣвался Гирканъ и подумалъ, что человѣкъ тотъ нанесъ ему оскорбленіе дѣйствительно по ихъ желанію. Къ этому особенно возбуждалъ его Ионаѣ и настроилъ его такъ, что, оставивъ фарисеевъ, рѣшилъ присоединиться къ партіи саддукеевъ, освободить народъ отъ постановленныхъ ими узаконеній, даже наказывать соблюдающихъ ихъ. Отсюда возникла ненависть къ нему и его сыновьямъ со стороны народа. Впрочемъ объ этомъ мы скажемъ потомъ. Теперь же я хочу указать на то, что фарисеи передали народу нѣкоторые узаконенія по преданію отцовъ, кои не написаны въ законахъ Моисея и потому саддукейская секта отвергаетъ ихъ, утверждая, что подобаетъ руководиться тѣми (Моисеевыми) письменными законами и не соблюдать заповѣдей по преданію отцовъ. Объ этомъ споры у нихъ и разногласія большія бывали, причемъ саддукеи имѣли своими сторонниками только богатыхъ людей, а народъ не слѣдовалъ имъ, фарисеи же имѣли на своей сторонѣ народъ. Но объ этихъ двухъ сектахъ и объ ессеяхъ точно изложено во второй книгѣ моей „Войны Іудейской“.

Ant. XVIII, 1, 2—6 Niese §§ 12—25 vol. IV p. 142—144. У іудеевъ существовали три философіи съ глубокой древности отцовъ: ессеевъ, саддукеевъ, а третью составляли такъ называемые фарисеи. И хотя намъ приходилось говорить о нихъ во второй книгѣ Іудейской Войны, однакожь упомяну о нихъ и теперь немного. Фарисеи подвизаются въ строгой жизни и не допускаютъ никакой роскоши,—слѣдуютъ руководству тѣхъ благъ, кои предписываетъ разумъ и въ его требованіяхъ видятъ наилучшую охрану ихъ,—оказываютъ почтеніе лицамъ престарѣлаго возраста и не осмѣливаются выступать съ противорѣчіемъ ихнимъ совѣтамъ. Признавалъ, что все совершается Промысломъ, они не отнимаютъ свободы у человѣческой воли дѣлать выборъ между угоднымъ Богу и своимъ желаніемъ

и произволенія у человѣка слѣдовать добру или злу. Они вѣрятъ, что души обладаютъ безсмертною силою и что за гробомъ предстоятъ справедливыя воздаянія за добро и зло, совершавшіяся людьми въ сей жизни,—однимъ—вѣчное заключеніе, а другимъ—радость оживленія. Благодаря этому они оказываютъ большое вліяніе на народъ и всѣ религіозныя обряды, касающіеся какъ молитвъ такъ и жертвоприношеній, совершаются по ихъ указанію. Города-свидѣтельствовали превеликую доблесть ихъ въ совершеніи наилучшаго во всемъ, какъ въ жизни такъ и въ словахъ. Саддукеи же учатъ, что души исчезаютъ вмѣстѣ съ тѣлами. У нихъ не принимается для исполненія ничего другаго, кромѣ законовъ (писанныхъ). Они считаютъ достоинствомъ возражать даже противъ учителей той мудрости, какую сами принимаютъ *Ученіе это принимается немногими людьми, хотя и высокопоставленными,—и они не дѣлаютъ ничего такого, о чемъ стоило бы говорить, ибо когда имъ приходится стоять во главѣ правленія, они хотя и невольно и по необходимости, но примыкаютъ къ фарисеямъ, такъ какъ иначе они были бы нетерпимы народамъ.*—Ученіе же Ессеевъ предпочитаетъ все относить къ власти Божіей, признаютъ безсмертіе душъ и съ особеннымъ рвеніемъ стараются достигать правды. Посылая въ храмъ дары, они совершаютъ жертвы, кои считаютъ гораздо болѣе чистыми (вариантъ и древне латинскій переводъ: не приносятъ жертвъ съ народомъ), и потому не допускаются въ общій дворъ храма, но совершаютъ жертвы отдѣльно (у себя). Въ прочемъ это превосходнѣйшіе люди по своей жизни и весь свой трудъ обращаютъ на земледѣліе. Заслуживаетъ удивленія то, что они достигаютъ такой добродѣтели, какой совсѣмъ не существуетъ ни у еллиновъ ни у варваровъ, сохранившейся у нихъ издавна благодаря безпретятственному исполненію ея Имѣнія у нихъ общія и богатый пользуется у нихъ своею собственностью нисколько не болѣе, чѣмъ ничего не имѣющей. Такъ живутъ люди, числомъ болѣе четырехъ тысячъ. Они не вступаютъ въ бракъ (не вводятъ женъ) и не допускаютъ владѣнія рабами, полагая, что одно (рабовладѣльчество) ведетъ къ неправдѣ (несправедливо), а другое (бракъ) даетъ поводъ къ ссорамъ, но, живя отдѣльно, пользуются услугами другъ другу Сборщиками плодовъ и произведеній земли и для приготвленія хлѣба и пищи поставляютъ людей хорошихъ и священниковъ (лат. древ. пер: избираютъ священниками наилучшихъ людей, пища у нихъ простая, жизнь не роскошная и чистая), подобно такъ называемымъ Дакамъ (др: такъ называемыхъ Полистами, др. Ктистамъ, др. Пиллеатамъ) —Основателемъ четвертой философіи явился Іуда Галилеянинъ,—но она во всемъ прочемъ признаетъ ученіе фарисеевъ, только есть въ нихъ непреодолимая любовь къ свободѣ и (потому) одного только Бога признаютъ своимъ вождемъ и владыкою Маловажнымъ считаютъ они претерпѣвать всякіе виды смертей и казни родственниковъ и друзей изъ-за того только, чтобы ни одного человѣка не называть владыкою. Но такъ какъ многіе сами видѣли неизмѣнную стойкость ихъ въ этомъ ученіи, то опускаю

дальнѣйшія подробности о нихъ. Опасаюсь не того, что вызову недобѣріе къ моимъ сообщеніямъ о нихъ, но, напротивъ, того, что у меня неостанетъ словъ изобразить то пренебреженіе, съ какимъ они принимаютъ боль тѣлесныхъ страданій. Этимъ безуміемъ началъ болѣть и весь народъ, когда Гессій Флоръ, который былъ военачальникомъ, своимъ жестоковластіемъ довелъ ихъ до отчаянія и отложенія отъ Рима.—Такова философія у Іудеевъ.

Vita (автобіографія Іосифа Флавія) § 2 Niese Antiq. IV, 32-2 §§ 7—12. Отецъ мой Матей знатенъ былъ не одною только высокою своего рода (ср. § 1: Мой родъ не беззнатенъ, но съ самаго начала идетъ отъ священниковъ. И какъ у каждаго народа есть свой какой либо признакъ благородства, такъ и у насъ свидѣтельствомъ знатности рода служить принадлежность къ священству. Мой же родъ не только идетъ отъ священниковъ, но и отъ первой череды изъ двадцати четырехъ, въ чемъ также есть большое отличие, и изъ фамилій этой череды—отъ самой высшей (первосвященнической или архіерейской). А по матери я принадлежу даже къ царскому роду, ибо дѣти Асамонеевъ, отъ коихъ она происходила, долгое время у насъ архіерействовали и царствовали), но гораздо болѣе чтился за свою праведность, будучи славенъ въ величайшемъ нашемъ городѣ Іерусалимѣ. Воспитывался я вмѣстѣ съ братомъ моимъ, по имени Матіемъ, который былъ мнѣ роднымъ по обоимъ родителямъ,—и имѣлъ весьма большіе успѣхи въ ученіи, отличаясь памятью и умомъ. Такъ, еще будучи отрокомъ около четырнадцати лѣтъ за свою любовь къ наукѣ я восхвалялся отъ всѣхъ архіереевъ и знатнѣйшихъ горожанъ, постоянно собиравшихся для того, чтобы точнѣе что либо узнать отъ меня о законѣ. Будучи же шестнадцати лѣтъ, я пожелалъ самоличнымъ опытомъ получить знакомство съ нашими (философскими) сектами Ихъ—три: первая—фарисейская, вторая—саддукейская и третья—ессейская, какъ часто мы уже говорили объ этомъ. Такимъ образомъ, думалъ я, могу избрать себѣ наилучшую, если изучу всѣ. Такъ, проведши строгую жизнь и много потрудившись, я прошелъ эти три секты. Но не признавъ для себя достаточнымъ знакомства съ этими сектами, я,—когда узналъ, что нѣкто по имени Ваннъ живетъ въ пустынѣ, пользуется одеждою изъ деревъ, пищу употребляетъ самородную, днемъ и ночью для чистоты часто оmyвается холодною водою, — сдѣлался его послѣдователемъ. Проживъ у него три года и исполнивъ свое желаніе, я воротился въ городъ. Имѣя девятнадцать лѣтъ, я началъ свою общественно-государственную дѣятельность, ставъ послѣдователемъ секты фарисейской, которая подобна называемой у еллиновъ стoiceской.

Частныя свидѣтельства Іосифа Флавія:

а) объ ессеяхъ: Antiq. XIII, 11, 2 Niese vol III p 209 § 311 сл. упоминаетъ о дарѣ пророчества ессея Іуды, предсказавшаго смерть Антигона. Въ XV, 10, 4—5 III. 399—400 §§ 371—379 разсказывается о томъ, что ессеи, вмѣстѣ съ фарисеями, были освобождены Иродомъ старшимъ отъ присяги ему и пользовались его благорас-

положеніемъ потому, что одинъ есеей, по имени Манаимъ, предлазалъ Ироду царство, когда тотъ еще былъ мальчикомъ, — а потомъ, когда онъ сдѣлался царемъ, продолжительное (болѣе тридцати лѣтъ) царствованіе. Сообщая объ этомъ, Іосифъ дѣлаетъ такіе замѣчанія объ есееяхъ: „эта секта ведетъ образъ жизни, сходный съ введеннымъ у еллиновъ Пифагоромъ (§ 371)... почему многіе изъ такихъ (есеевъ) у насъ высоко чтутся за ихъ добродѣтельную жизнь и за званіе божественныхъ предметовъ“ (§ 379). XVII, 13, 3 N IV, 135—136 упоминаютъ есеей Симонъ, пророчески истолковавшій сонъ Архелая. Bell. II, 20, 3 p. 256 § 567 Іоаннъ есеей посылается въ топархію—Оамну военачальникомъ, во время борьбы съ римлянами, который, послѣ пораженія Цестія, вмѣстѣ съ другими двумя полководцами (Нигеромъ и Силою) отправился для осады Аскалона (III, 2, 1. p. 274 § 11). Наконецъ въ V, 4, 2 p. 453 § 145 упоминаются въ іерусалимскихъ стѣнахъ, на югозападной сторонѣ, „есеейскія ворота“.

б) о *фарисеяхъ*. Вліяніе фарисеевъ на народъ видно изъ слѣдующаго завѣщанія царя Александра, жесточайшаго врага фарисеевъ, которое онъ предъ смертію даетъ своей женѣ Александрѣ, назначенной имъ, за малолѣтствомъ дѣтей, своею преемницею. На слова царицы: „на кого покидаешь ты въ такомъ положеніи меня и дѣтей, нуждающихся въ помощи другихъ, и съ какою ненавистью отнесется къ тебѣ народъ, узнавъ это!“ умирающій царь посовѣтывалъ ей, послѣ блестящей побѣды, воротиться въ Іерусалимъ и „предоставить фарисеямъ какую нибудь власть, за каковую честь они станутъ хвалить ее и сдѣлаютъ народъ благорасположеннымъ къ ней,—они, сказали царь, могутъ много повредить у іудеевъ тѣмъ, кто ихъ ненавидитъ, и принести пользу расположеннымъ къ нимъ дружелюбно, ибо они пользуются величайшимъ довѣріемъ у народа. когда они кому либо завидуютъ и говорятъ о немъ что либо дурное, какъ и самъ онъ, говорилъ, вступилъ въ столкновеніе съ народомъ благодаря имъ, коихъ онъ оскорблялъ. Итакъ ты, сказалъ онъ, прибывъ въ Іерусалимъ, пошли за самыми мятежными изъ нихъ и, показавъ имъ мое тѣло, съ полнымъ довѣріемъ предоставь имъ поступить со мною такъ, какъ они захотятъ, — пожелаютъ ли оскорбить мой трупъ лишеніемъ погребенія за то, что имъ пришлось много перенести отъ меня, или же другое какое безчестіе въ гнѣвъ нанесутъ моему тѣлу,—и общайся ничего не совершатъ въ царствѣ безъ ихъ совѣта. Когда ты это имъ окажешь, я удостоенъ буду отъ нихъ болѣе блестящихъ похоронъ, чѣмъ какія получилъ бы отъ тебя, такъ какъ они не захотятъ послѣ смерти оскорблять мой трупъ, а ты будешь править твердо“. Александра такъ и поступила, „передала все дѣла фарисеямъ, коимъ повиноваться повелѣла и народу,—она также возстановила опять тѣ узаконенія, кои ввели фарисеи согласно отеческому преданію и кои запретила ея тестъ Гирканъ (царь и архіерей),—такимъ образомъ она носила только имя царицы, а власть имѣли фарисеи,—они возвращали бѣглецовъ, освобождали узниковъ и вообще ничѣмъ не отличались отъ

владыкъ“ (Ant. XIII, 15, 5—16, 2 vol. III p. 225—228). XV, 1, 1 § 3 упоминаются два фарисея: Полліонъ и ученикъ его Самея, единственные, кажется, изъ фарисеевъ, совѣтовавшіе жителямъ Іерусалима принять Ирода въ качествѣ своего царя, почему и удостоились отъ Ирода особаго почета, когда онъ взялъ Іерусалимъ. Надо замѣтить, что на синадріонѣ, судившемъ Ирода за смертную казнь надъ разбойниками безъ синадріонскаго суда и приговора, когда Иродъ былъ правителемъ Галилеи и явился на судъ съ отрядомъ воиновъ,—только одинъ этотъ Самея, человекъ праведный и потому стоявшій выше страха, осмѣлился обличить Ирода въ глаза и предсказъ его будущую власть (Antiq. XIV, 9, 4). Впослѣдствіи эти же Полліонъ и Самея съ ихъ учениками отказались отъ присяги Ироду, за что не подверглись казни, какъ и ессеи (Antiq. XV, 10, 4 § 370). Интриги фарисеевъ въ семейныхъ дѣлахъ Ирода Іосифъ описываетъ такъ: „была у іудеевъ нѣкая партія людей, присвоившихъ себѣ право гордиться ревностнымъ охраненіемъ отечества и угодныхъ Богу законовъ. Подъ ихъ вліяніемъ находились женщины. Называются они фарисеями. Они особенно склонны были противиться могущественному (др. чт. могущественно царю и даже рѣшались открыто бороться съ нимъ и вредить ему. Такъ, когда весь іудейскій народъ посредствомъ клятвъ утвердилъ свою вѣрность Кесарю и интересамъ царя (Ирода), эти люди, въ числѣ свыше шести тысячъ, не присягнули. И когда царь оштрафовалъ ихъ деньгами, жена Фероры (брата Ирода) внесла за нихъ этотъ штрафъ. Въ отвѣтъ на такое благоволеніе ея фарисеи предсказывали,—вѣрили въ ихъ предвѣдніе по наитію Божію, — что по опредѣленію Божію власть у Ирода прекратится и у рода его, и царство перейдетъ къ ней и Ферорѣ и къ дѣтямъ, которые будутъ у нихъ. Но это, такъ какъ не скрылось отъ Соломіи (сестры Ирода), было донесено царю, какъ и о томъ, что нѣкоторые изъ придворныхъ прельщались этимъ. Тогда царь умервщляетъ наиболѣе виновныхъ фарисеевъ и Вагою евнуха и нѣкоего Кару, наилучшаго и красивѣйшаго изъ тогдашнихъ слугъ своихъ мальчика. Казнилъ и всѣхъ тѣхъ ближнихъ своихъ, кои сочувствовали тому, что говорили фарисеи. А Вагой они увлекли тѣмъ, что будетъ называться отцомъ и благодѣтелемъ царя, который будетъ поставленъ согласно ихъ предсказанію, ибо подъ властію у него будетъ все, такъ что доставить ему способность къ браку и произведенію собственныхъ дѣтей“. Послѣ того Иродъ собралъ синадріонъ изъ своихъ друзей и родственниковъ (очевидно, саддукеевъ, архіереевъ и Иродіанъ), на коемъ, сообщивъ о казни фарисеевъ, обвинялъ жену Фероры въ заговорѣ и подкупѣ фарисеевъ (Antiq. XVII, 2, 4—3, 1 vol. IV p. 77—78 § 41 сл. и Bell. 1, 29, 2 p. 130 § 571). Объ Александрѣ царикѣ (ср. выше) Іосифъ въ Bell. 1, 5, 2 p. 26 § 110—112 сообщаетъ, что „власть раздѣляютъ съ нею фарисеи, одна іудейская секта, считавшаяся болѣе благочестивою другихъ (іудеевъ) и точнѣе изъяснявшею законы. Какъ женщина благочестивая, Александра ихъ болѣе всего слушалась. Они же, мало по малу вкрадываясь въ до-

вѣріе этой простой женщины, становились уже и распорядителями всего—сылали и возвращали, кого хотѣли, освобождали отъ тюрьмы и заключали въ нее. Вообще у нихъ находились выгоды царства, а у Александры—расходы и трудности“. Наконецъ мы встрѣчаемъ „знатныхъ изъ фарисеевъ вмѣстѣ съ вельможами и архіереями“ въ качествѣ совѣтниковъ и усмирителей зилотовъ, поднявшихъ во главѣ съ Елезаромъ мятежъ противъ римлянъ Bell. II, 17, 3 p. 230 § 411] О нѣкомъ Симонѣ сынѣ Гамалила Іосифъ сообщаетъ: „Симонъ этотъ былъ изъ города Іерусалима, очень знатнаго рода, изъ секты фарисеевъ. кои считаютъ себя выше другихъ (іудеевъ) по ревности къ отеческимъ законамъ (Vita 38 Niese § 191 vol. IV p. 353). Ср. ниже Мишну Нидда IV, 2 и Тосефту о саддукеевцахъ, чтившихъ мудрецовъ—фарисеевъ и Ant. XVIII, 1, 4 § 17—выше

а) О саддукеевцъ Іосифъ рѣдко упоминаетъ отдѣльно. Въ Antiq XV, 10, 4 vol. III p. 399 § 370 сл. между тѣмъ какъ фарисеи и ессеи отказываются отъ присяги Ироду старшему, о саддукеевцъ Іосифъ умалчиваетъ, чѣмъ предполагается ихъ расположеніе къ Ироду и солидарность съ Иродіанами Упоминаемый въ Antiq XVII, 3, 1 vol. IV p. 78 § 46 сл. и Bell 1, 29, 2 p. 130 § 571, собранный Иродомъ синедрионъ изъ „друзей и родственниковъ“ царя, противъ фарисеевъ, очевидно предполагаетъ большинство его членовъ изъ враждебныхъ фарисеямъ саддукеевъ архіереевъ и приверженцевъ Ирода изъ мірянъ и царской фамилии (придворныхъ—Иродіанъ) Сообщение въ Antiq XX, 9, 1 vol IV p. 309 § 199 объ Ананѣ младшемъ, сынѣ евангельскаго Анны или Анана старшаго, что сей „младшій Ананъ, который, какъ мы сказали, получилъ архіерейство, былъ держкаго права и необыкновенно смѣлъ,—принадлежать къ сектѣ саддукеевъ, которые ни судахъ жестоко болѣе всѣхъ іудеевъ, какъ это мы уже изложили“. — заставляеть насъ все, что говоритъ Іосифъ объ архіереяхъ, особенно изъ рода Анана, переносить и на саддукеевъ Такимъ образомъ и беззаконный судъ надъ Іаковомъ братомъ Господнимъ и его казнь, описываемыя здѣсь Флавіемъ, были дѣломъ рукъ саддукеевъ

Свидѣтельство фарисейско-раввинской литературы о фарисеяхъ (перушимъ) и саддукеевцъ (цаддукамъ):

Мишна, Эрувинъ VI, 2 Sur. 2, 108 Пер. 2, 144: „Раббанъ Гамалилъ разсказывалъ: случилось, что саддукей одинъ жилъ съ нами въ мабоѣ (особая, отгороженная въ Іерусалимѣ, улица для субботнихъ сношеній,—вообще входный залъ въ дворцы и дома) въ Іерусалимѣ. И вотъ сказалъ намъ отецъ мой: спѣшите выносить сосуды въ мабой, пока онъ (саддукей) не вынесетъ (своихъ сосудовъ) и не воспрепятствуетъ вамъ Равви Іуда передавалъ (это) въ другихъ словахъ: спѣшите совершить надобности ваши въ мабоѣ, пока онъ не вынесетъ и воспрепятствуетъ вамъ“. Хагига II, 7 Sur. 2, 419—Пер. 2, 255: „Одежды ам-гаареца (мірянина, простепа, невѣжды, мужика) суть мидрасъ (оскверненіе отъ прикосновенія) для фарисеевъ. одежды фарисеевъ мидрасъ для ядущихъ теруму (участвующихъ въ жертвѣ мірянъ), одежды ядущихъ теруму

мидрась для святаго (святилища, т. е. для совершающихъ богослуженіе священниковъ), одежды святилища мидрась для очистительной воды (кто пьетъ эту воду). Указаны разныя степени святости, и фарисей стоитъ между мірянами и священнослужителями и лицами участвующими въ богослужебныхъ обрядахъ. Ср. *Schabbath* 13a Gold. 1. 346,—13—14: „нечистый фарисей (оскверненный сѣмътеченіемъ) не ѣсть вмѣстѣ съ нечистымъ ам — гаарецомъ“. Ср. *Chullin* 38a. *Nidda* 33b Вил. 17, 76 и 25, 66 *Миккот* 1. 6 Sur. 4, 272 Пер. 4. 329: „Злостные свидѣтели подвергаются казни по произнесеніи приговора (надъ оклеветаннымъ), а саддукеи говорятъ: послѣ казни обвиненнаго, ибо сказано: душу за душу (Второз. 19, 21 т. е. смерть за смерть). Имъ возражали мудрецы (мудрецы, книжники, учителя—названія фарисеевъ въ фарисейско раввинской литературѣ): но вѣдь сказано (тамъ же ст. 19): сдѣлайте ему то, что онъ *умыслилъ* сдѣлать брату своему. слѣдовательно брать живъ“. Саддукеи предполагаютъ двѣ смерти — невиннаго и виновнаго, а фарисей — одного виновнаго, такимъ образомъ фарисей оказывался гуманнѣе саддукеевъ. *Пара* III, 3: „Р. Иосе говоритъ: не уступайте саддукеямъ (но лучшее чтеніе мнѣямъ — еретикамъ) господствовать“ *ibid.* 7: „считали (фарисей) нечистымъ священника, сжигавшаго телицу ради саддукеевъ, дабы они не говорили, что въ заходѣ солнца она совершается“, т. е. приготовляющіе телицу дѣлаются чистыми послѣ солнечнаго захода: Sur. 6. 275—377 Пер. 6. 373 375. *Нидда* IV, 2 Sur. 6, 399—400 Пер. 6, 538: „Дочери саддукеевъ, если они идутъ по путямъ отцовъ своихъ, считаются какъ самарянки,—а если открыто перешли на пути Израїля, то онѣ какъ израїльтянки. Р. Иосе говоритъ: онѣ всегда какъ израїльтянки, пока не заявили, что будутъ держаться путей отцовъ своихъ“. Тосефта прибавляетъ къ этой мишнѣ: „Случай съ однимъ саддукеемъ, который разговаривалъ съ архіереемъ, и брызнула слюна изъ рта его и попала на одежду архіерея. Позеленѣло лице архіерея, и пришли и спросили жену его (саддукея), и она сказала ему: господинъ мой архіерей! *хотя мы саддукеянки, однако мы всѣ обращаемся съ вопросами (о нечистотѣ) къ мудрецамъ* (т. е. фарисеямъ). Р. Иосе говоритъ: *мы знаемъ саддукеянокъ болѣе чѣмъ другихъ (женщинъ), потому что онѣ обращаются съ вопросами къ ученымъ* (т. е. къ фарисеямъ), кромѣ одной, которая была среди нихъ и умерла“. Ср. *Вавил. Nidda* 33b Вилея.

Иадаимъ IV, 6—8 Sur. 6, 490—491 Пер. 6, 631—632: „6. Говорятъ саддукеи: мы порицаемъ васъ, фарисей, за то, что вы говорите: священныя книги оскверняютъ руки, а книги вражескія (лучше др. чт: гомеровскія, т. е. языческія, эллинскія) не оскверняютъ рукъ. Сказалъ раббанъ Іохананъ сынъ Закаїя: развѣ одно это мы можемъ поставить въ упрекъ фарисеямъ? вѣдь они говорятъ: кости осла чисты, а кости Іоханана архіерея нечисты. Тѣ отвѣтили ему: соотвѣтственно уваженію—нечистота ихъ, дабы человекъ не дѣлалъ ложекъ изъ костей отца своего и матери своей. Онъ сказалъ имъ: и у священныхъ книгъ нечистота соотвѣтствуетъ

уваженію къ нимъ,—книги языческія, не пользующіяся уваженіемъ, не оскверняютъ рукъ 7. Говорятъ саддукеи: мы упрекаемъ васъ, фарисеевъ, въ томъ, что вы считаете чистой струю. Говорятъ фарисеи: мы упрекаемъ васъ, саддукеевъ, въ томъ, что вы считаете чистой канаву съ водой, идущей съ кладбища. Говорятъ саддукеи: мы упрекаемъ васъ, фарисеевъ въ томъ, что вы говорите: если мой волъ или мой оселъ причинилъ вредъ, то я отвѣчаю, а если мой рабъ или моя рабыня причинила вредъ, то я не отвѣчаю и пр. 8. Сказалъ миней (еретикъ, вариантъ: саддукей) галилеянинъ: я упрекаю васъ фарисеевъ въ томъ, что вы пишете имя властителя вмѣстѣ съ именемъ Моисея въ разводномъ письмѣ (сначала пишется годъ царствованія властителя, а заканчивается разводная словами: „по закону Моисея и Израиля“) Сказали фарисеи: мы упрекаемъ тебя, миней (вар. саддукей), галилеянинъ, что вы пишете имя властителя выше, а имя Бога ниже“ и пр. Тосефта: „Сказали боэтусеи (архіерейская фамилія, принадлежавшая къ саддукейской сектѣ, и потому синонимичная съ саддукеями): мы упрекаемъ васъ, фарисеевъ: если дочь моего сына наслѣдуетъ послѣ меня, тѣмъ болѣе должна наслѣдовать послѣ меня моя дочь. Тѣ имъ отвѣчали: что вы сказали о дочери сына, этого не можете сказать о своей дочери, ибо первая получаетъ долю вмѣстѣ съ братьями, а послѣдняя не получаетъ доли съ братьями. Сказали погружающіеся утромъ (вѣроятно: ессеи): мы упрекаемъ васъ, фарисеевъ, что вы упоминаете имя Бога утромъ безъ погруженія. Отвѣчаютъ фарисеи: мы упрекаемъ васъ, погружающіеся утромъ, что вы произносите имя Бога изъ тѣла, въ коемъ есть нечистота“ Ср. о наслѣдственномъ правѣ дочерей Вавил. *Baba Bathra* 115b—116a Gold. 6, 1240, 9—1241, 9,—тоже Палест. *Baba Bathra* VII нач. (16a въ верху). *Sanhedr.* 33b Gold. 7. 136, 2—5 къ мишнѣ IV. 1: „Въ уголовныхъ процессахъ приговоръ можетъ измѣняться въ оправдательный, но не можетъ измѣняться въ обвинительный“ р. Хійя бен-Абба говорить отъ имени. Іоханана: это бываетъ только тогда, когда судья заблуждается въ ученіи, коего не принимаютъ саддукеи (т. е. не придаютъ значенія фарисейскимъ толкованіямъ и преданіямъ, но основываются только на законѣ Моисеевомъ),—но если онъ заблуждается въ такомъ случаѣ, когда это признаютъ саддукеи (т. е. по отношенію къ закону Моисееву), то пусть идетъ въ школу (т. е. учиться и изучать Библію, такъ какъ заблуждается не въ одномъ только толкованіи, но и въ самомъ библейскомъ ученіи, почему приговоръ тѣмъ болѣе долженъ быть измѣненъ). Ср. то же *Horiyoth* 4a Gold. 7, 1063, 21—1064, 3. *Toma* 19b Gold. 2, 799, 25—800 15 къ мишнѣ 1, 5: „онъ (архіерей при приготовленіи ко дню очищенія) удалялся и плакалъ и они (старцы бет—дина) удалялись и плакали“ даетъ такое толкованіе: „Онъ уединялся и плакалъ, потому что они его заподозривали, что быть можетъ онъ саддукей (боэтосіане и другіа первосвященническія фамиліи были саддукеи,—см. выше свидѣтельство Іосифа Флавія). Они также удалялись и плакали, потому что р. Іегошуа бен-Леви гово-

рилъ, что если кто невинно заподозритъ, онъ долженъ подвергнуться ударамъ по тѣлу. Для чего все это было нужно? Чтобы онъ не совершалъ (курёніе) внѣ (святаго святыхъ) сначала, а потомъ внутрь (святаго святыхъ) вносилъ, какъ это дѣлають саддукеи. Мудрецы сообщали: однажды саддукеи приготовлялъ (курёніе) внѣ и вносилъ внутрь, и когда онъ вышелъ, очень радовался. Встрѣтился съ нимъ его отецъ и сказалъ ему: *хотя мы саддукеи, но все таки должны бояться фарисеевъ*. Тотъ возразилъ: всю жизнь свою я скорбѣлъ о словахъ Писанія: въ облакѣ явлюсь. Я надъ крышкою ковчега (Лев. 16, 2),—и я сказалъ: *если только я буду имѣть случай исполнить это (то исполню), и вотъ теперь, когда я получилъ случай, долженъ ли былъ я оставить это (намѣреніе)?* Рассказываютъ, что едва протянулись нѣсколько дней, какъ онъ померъ и лежалъ въ навозной кучѣ и черви выползли изъ его ноздрей. Нѣкоторые рассказывали, что при выходѣ своемъ онъ былъ схваченъ, потому что р. Хійя училъ, что во дворѣ храма слышали какой-то голосъ, такъ какъ *ангелъ пришелъ и ударилъ его въ лицо*. Когда его братья священники вступили въ храмъ, они нашли (слѣды) тельчью ногу между его плечами, потому что сказано (объ ангелахъ): и голени ихъ прямы, ступни ихъ какъ тельца (Иезек. 1, 7).“ Ср. 5:а нач Gold. 903, 7 сл. *Палест. Iota* 1, 39а кон. 1-й гл. Ugol cap 1 § 5 vol. XVIII, p. 219 lin. 7—3 снизу. *Sitra* отд. Ахре Par. 2 cap. 3 къ Лев. 16, 13 Переф. 2, 308 и Ugol. XIV, 1267, 3—1269, 2 par. 2 cap. 3 § 10. *Тосефта* къ *Iota* 1, 8 Пер. 2, 320 Ugol. 1, 6 vol. XVIII, 159: „Почему уединялся и плакалъ? Потому что должны были его заклинать. Почему должны были его заклинать? Потому что случилось съ бозтусеемъ (иъ архіерейской фамиліи Бозтоса,—синонимъ—саддукею) однимъ, который воскурятъ внѣ, и вышло облако курёнія и наполнило весь храмъ дымомъ, ибо бозтусей (то же, что саддукеи) учили, что воскурёніе должно совершать (сначала) внѣ (святаго святыхъ), какъ сказано (Лев. 16, 13): „и облако курёнія покроетъ крышку, что надъ ковчегомъ, дабы ему не умереть. Имъ возразили мудрецы (то же, что фарисеи): но вѣдь сказано: и возложить курёніе на огонь предъ лицомъ Господа, слѣдовательно совершать курёніе можно только внутри (святаго святыхъ)... когда онъ вышелъ, то сказалъ своему отцу: *вы всегда толковали* (Лев. 16, 13) *и не исполняли, но я вошелъ и исполнилъ*. Отвѣтилъ ему (отецъ): *хотя мы толкуемъ (иначе), но не исполняемъ (на дѣлѣ) и слѣдуемъ словамъ мудрецовъ (фарисеевъ), — буду удивляться тебѣ, если продолжишь дни. Но не прождалъ трехъ дней, какъ положили его во гробъ его*“. *Тосефта* къ *Chngida* III Ugol cap III § 11 кон. главы, vol. XVIII p 1003: „Случилось, что (фарисеи) погрузили (въ воду для очищенія отъ оскверненія) свѣтильникъ въ день праздника (малаго—йомъ товъ) и вотъ саддукеи сказали: *придите и посмотрите фарисеевъ, кои погружаютъ для свѣта луну (очищаютъ свѣтлую луну: Levv m'or вм leor) паралъ мѣсто въ Палест* *Chngida* III, 8 (79d) Ugol. XVIII, 1110, 10—11 сверху: „кругъ“ или

„дискъ солнца“. Вавил. Sota 22b съ Вилен. и Житом. изд. 1863 г. Вил. 1884 т. XIV. 1 стр. 44 стр. 2—14: „Царь Іанней (саддукей) сказалъ предъ смертію своей женѣ: бояся ни фарисеевъ, ни нефарисеевъ, но бояся пустосвятовъ, кои подобно фарисеямъ занимаются благочестіемъ и (внѣшно) ведутъ себя какъ Симри, но подобно Финеесу желаютъ возмездія (Числ. 25. 14 сл.) Kidduschin 66a. Вил. XIV, 32, выше Ср. Флав. Antiq. XIII, 15, 5—16. 2 Уже въ послѣднемъ сообщеніи дѣлается указаніе или на злоупотребленія и поддѣлки фарисейства, или же на его отрицательныя и слабыя стороны, раскрываемыя въ евангеліяхъ съ практической стороны, а въ посланіяхъ Ап. Павла къ Римлянамъ и Галатамъ со стороны теоретической. Тоже въ Sota III, 4 Sur. 3, 218 Пер. 3 285: „Сказалъ Бен Аззай: человѣкъ обязанъ преподавать дочери своей Тору (Законъ Моисеевъ), дабы она, выпивъ (горькую очистительную воду и не подвергшись немедленному наказанію за свое прелюбодѣяніе, такъ какъ это наказаніе могло быть отсрочено Богомъ за ея добродѣтель), знала, что наказаніе отсрочено за ея добродѣтель. Но р. Эліезеръ говорить: кто преподаетъ дочери своей Тору, тотъ преподаетъ какъ бы распутство. Р. Исусъ говоритъ: женщина предпочитаетъ одинъ кабъ (хлѣбная мѣра) съ распутствомъ, нежели девять кабъ съ фарисействомъ (воздержаніемъ)“, т. е. удовлетвореніе половыхъ вожделѣній при бѣдности предпочитаетъ монашескому воздержанію при богатствѣ. „Онъ же говаривалъ: благочестивецъ глупый, нечестивецъ хитрый, женщина фарисейка (ишша перуша) и удары фарисеевъ (маккот перушим)—вотъ что губить міръ“. Сужденіе о женщинѣ фарисейкѣ объясняется раввинскимъ возрѣніемъ на неспособность женщины активно участвовать въ богослуженіи, ученіи (толкованіи Торы), политической и гражданской жизни. „Удары фарисеевъ“, т. е. ихъ хитрости, казуистика. Палест. Реа VIII, 21a вн. приводитъ примѣръ этой хитрости фарисеевъ (маккат перушим), состоящей въ томъ, что одинъ фарисейскій ученикъ, владѣвшій имѣніемъ въ 199 динаріевъ (владѣтель 200 динаріевъ считается богатымъ), на совѣтъ раввина чаще подавать милостыню, далъ ему одинъ динарій и тѣмъ освободился отъ платы ему, такъ какъ у него стало тогда 200 динаріевъ и онъ сдѣлался богатымъ. Къ подобному же хитрому поступку примѣнено это выраженіе въ Палест. Baba Bathra XI нач. 16d и др. у Levy. Neuhebr. und Chald. Wtb 3, 111b Art. makkah. Но Палестинская и Вавилонская Гемары къ „маккот перушим“ и пр. мишны даютъ поясненія чрезъ перечисленіе семи родовъ фарисеевъ, помѣщенное также въ Авотъ р. Нааана въ двухъ версіяхъ; Палест. Sota V, 20c внизу и Berachoth IX. 14b сред. у Levy 4, 143a и франц. пер. Schwab vol. 1, 171 (IX, 7) и Вавил. Sota 22b Вилен. т. XIV отд. 1 стра. 44 стро. 2—13 сверху и Авотъ рабѣи Нааана въ двухъ редакціяхъ, переводъ Н. Переферковича СПб. 1903, 1 верс. гл. 37 стр. 99 и 2 вер. гл. 45 стр. 184. Во всѣхъ этихъ параллельныхъ мѣстахъ есть значительныя различія.

„Такое существует преданіе раввиновъ Есть семь (родовъ) фарисеевъ:

1. *Паруш шихми*. Палест: фарисей наплечникъ: носить запоявѣди свои на плечахъ своихъ,—кто совершаемыя имъ добрыя дѣла открыто какъ бы носить на своихъ плечахъ на показъ, чтобы величаться этимъ (шехемъ плечи, горбъ), ср „связуютъ бремена тяжкія (и трудно носимыя) и налагаютъ на плечи людей, сами же перстомъ своимъ не хотятъ двинуть ихъ“ Матѣ. 23, 4 Лук. 11, 46, — *Вавил*: фарисей—сихемовецъ, кто совершаетъ дѣла Сихема,—гlossa: кто обрѣзанъ не во славу Божию, а чтобы взять въ жены Дину, дочь Іакова, какъ это сдѣлалъ Сихемъ (Быт. 34, 1 сл.),—кто живетъ благочестиво по нечистымъ побужденіямъ, чтобы получать отъ людей честь или подарки: ср Матѣ. 6, 2. 5. 16 и др. под.

2. *Паруш нифни* отъ *никаф*—или ушибающійся или занимающій (ссуду) *Палест*: выгадывающій время, кто говоритъ: лишь подожди мало (собственно: дай мнѣ только нѣсколько времени), я хочу прежде богоугодное дѣло совершить,—или бей (препятствуй мнѣ) меня, а исполню заповѣдъ. *Вавил*: кто ушибаетъ ноги свои,—гlossa: кто ходитъ уничиженно, не поднимая ногъ своихъ отъ земли, такъ что ранить ноги свои о камни,—Арухъ: кто далеко сторонится отъ людей, чтобы не стѣснять ихъ на дорогѣ и ушибаетъ ноги о камни. Но Наанъ въ Авотъ 1-й верс. чит. *нифни* (=вмр) отъ *кафа*—припадочный, epileptikъ, неожиданно падаетъ на землю во время молитвы.

3. *Паруш киззи* или *киззай* (отъ кезаз, кези) или *коззи*: фарисей—бухгалтеръ, счетчикъ, *Палест*: отсчитывающій, совершающій одинъ грѣхъ и одну заповѣдь и вычитающій одинъ изъ другой (ср. Лук. 18, 11 — 12). — или: фарисей кровопускатель, *Вавил*. (отъ наказ): Р. Нахманъ бар-Ицхакъ объяснялъ такъ: кто пускаетъ кровь къ стѣнамъ, гlossa: ходитъ съ закрытыми или опущенными глазами, чтобы не видать женщинъ, потому ударяется объ стѣну и разбиваетъ лицо до крови. Арухъ: такъ прижимается къ стѣнѣ, чтобы не стѣснять прохожихъ, что разбивается до крови. Р. Наанъ чит. 1 верс: или обособленный, отдѣленный,—или: искалеченный.

4. *Паруш ганкай*—Палест: фарисей *скупость*, или др. чт: *изъ скупости*, который говоритъ: изъ того, что есть у меня, отложу (сберегу), чтобы исполнить заповѣдь. (ср. Лук. 16. 14; 18, 12 и Матѣ. 23, 14—23).—Вавил. *паруш медохейя*: фарисей—пестикъ (ступки), по объясненію Равва бар-Шела: кто ходитъ согнувшись какъ пестикъ ступки. Р Наанъ читаетъ: мехуви—похожій на кружку или бокаль. Ср. въ Арухъ: ходитъ въ туникъ, спускающейся внизъ на подобіе ступки, обращенной отверстіемъ внизъ, — одежда ихъ была вверхъ уже, а книзу шире (Ср. Матѣ. 23, 5)

5. Палест: фарисей—да узнаю я обязанности свои и исполню ихъ, который говоритъ: пусть узнаю я имѣющійся во мнѣ грѣхъ, чтобы для очищенія его совершить добродѣтель. Вавил: фарисей—какова обязанность моя и я исполню ее, который говоритъ: есть ли еще какая добродѣтель, которую я долженъ совершить? Арухъ: никто не укажетъ мнѣ, въ чемъ я согрѣшилъ. Наанъ: работа есть у него. Кромѣ того Наанъ называетъ еще одинъ—восьмой—классъ: фарисей—какова обязанность моя, и я исполню ее. (Ср. Лук. 18, 11).

6 Паруш йяра—фарисей страхъ или богобоязненный, Палестъ какъ Говъ, Вавил. ставить на послѣднемъ мѣстѣ: фарисей изъ страха (предъ Богомъ).

7. Паруш ахава—Палест. фарисей любовь (или боголюбовь), какъ Авраамъ, прибавляя, что этотъ классъ фарисеевъ есть наилучшій изъ всѣхъ. Вавил. ставить на предпослѣднемъ мѣстѣ: *изъ любви* (къ Богу). Ср. Lightfoot. Schöttgen Levy Wtb въ соот. мѣстахъ.

Изъ этихъ семи классовъ фарисеевъ только два послѣдніе имѣютъ хорошій смыслъ, а остальные названія—насмѣшливыя. Очевидно къ этимъ двумъ послѣднимъ классамъ должно причислять всѣхъ наилучшихъ представителей фарисейства, въ родѣ: Гиллела, Гамалииловъ, Никодима др. мн.,—не говоримъ объ Апостолѣ Павлѣ, сдѣлавшемся противникомъ фарисейскаго раввинизма и побѣдоноснымъ полемистомъ съ нимъ (Ср. еще Vajkra r. sect. 37 fin. у Levy Wtb. 3, 659: „я (Финеесъ), архіерей, сынъ архіерея, и пойду къ амгаарецу этому!“ Напротивъ въ Горайотъ III, 8 Sur 4, 502 пер 519: „мамзеръ (незаконнорожденный) ученый выше архіерея амгаарца (неученаго)“).

Наконѣцъ въ Новомъ Завѣтѣ имѣются прямые указанія на ученіе фарисеевъ и саддукеевъ: Матѣ. 22, 23 сл. парал. Марк. 12, 18 сл. Лук. 20, 27 сл.: саддукеи говорили, что нѣтъ воскресенія (мертвыхъ),—тоже Дѣян. 4, 2: саддукеи съ священниками и начальникомъ храма приступили къ апостоламъ, досадуя на то, что они учили народъ и возвыщали въ Иисусѣ воскресеніе изъ мертвыхъ,— Дн. 23, 6—10: Узнавъ же Павелъ, что одна часть (іерусалимскаго тогдашняго синедріона)—саддукеевъ, а другая фарисеевъ, возглашала (кричала) въ синедріонѣ: мужи братья, я—фарисей, сынъ фарисеевъ: за чаяніе воскресенія мертвыхъ меня судятъ. Когда же онъ сказалъ это, произошла распри фарисеевъ и саддукеевъ, и раздѣлилось собраніе; ибо саддукеи говорятъ, что нѣтъ ни воскресенія, ни ангела, ни духа, фарисеи же признаютъ то и другое. И былъ крикъ большой, и вставъ нѣкіе изъ книжниковъ партіи фарисейской оспаривали, говоря: ничего худаго мы не находимъ въ человѣкѣ этомъ: Духъ ли сказалъ ему или ангелъ? (нѣк. приб.: не станемъ богоборствовать). Но какъ большой начинался раздоръ, то тысяченачальникъ, испугавшись, чтобы Павелъ не былъ растерзанъ ими, велѣлъ войску сойти взять его изъ среды ихъ и вести въ крѣпость. Дн. 26, 5: Итакъ, жияны мою, отъ юности съ начала протекшую въ народѣ моемъ въ Іерусалимѣ, вѣдаютъ всѣ Іудеи, уже зная меня издавна, если пожелаютъ свидѣтельствовать, что по строжайшей сектѣ нашей религіи жилъ я фарисеемъ и пр.

Во евангеліяхъ и книгѣ Дѣяній объ секты принципиально являются враждебными христіанству (Ап. Павелъ Дн. 9 гл.) и вообще солидарными между собою въ этомъ отношеніи. Фарисеи и саддукеи вмѣстѣ идутъ къ Крестителю и выслушиваютъ его обличенія (Мѣ. 3, 7 сл.), вмѣстѣ искушаютъ Христа требованіемъ знаменія, отъ нихъ Христосъ предостерегаетъ своихъ учениковъ, они вооружались противъ Господа и хотѣли его схватить вмѣстѣ съ архіереями и пр. под. (Мѣ. 16, 1—6. 11—12: 27, 62 и пар. Іоан. 7, 32. 38,—11, 47. 57,—18, 3). Однакожъ, согласно всѣмъ другимъ вышеприведенныхъ датамъ, саддукеи вмѣстѣ съ архіереями играли болѣе ак-

тивную роль въ истребленіи христіанства. Участіе и значеніе саддукеевъ и архіереевъ въ осужденіи Христа мы уже знаемъ. Также и апостоловъ преслѣдуютъ: „священники и начальники храма и саддукеи... Наложили на нихъ руки и заключили подъ стражу до утра... На слѣдующій день собрались начальники и старѣйшины и книжники въ Іерусалимъ“, и во главѣ ихъ „Анна архіерей и Каіафа и Іоаннъ и Александръ и кто были изъ рода архіерейскаго“ (Дн. 4, 1—6). Тоже потомъ: „Возставъ архіерей и всѣ, что съ нимъ, сущая ересь саддукеевъ, исполнились зависти и наложили руки на апостоловъ и заключили ихъ въ темницу народную“ (Дн. 5, 17—18). „Архіерей“, тотъ же Каіафа, верховодить судомъ надъ св. Стефаномъ (Дн. 7, 1). Послѣ того „Савлъ, еще дыша угрозою и убійствомъ на учениковъ Господа, пришедъ къ архіерею (Каіафѣ), выпросилъ у него письмо въ Дамаскъ къ синагогамъ, чтобы кого найдетъ идущихъ этимъ путемъ, мужей и женъ, связанными приводить въ Іерусалимъ“ (Дн. 9, 1—2). Въ синедрионскомъ судѣ надъ Ап. Павломъ „архіерей Ананія приказалъ предстоящимъ ему бить его (Павла) по рту“ (Дн. 23, 2). Съ архіереями ведутъ тайные переговоры тогдашніе хулиганы—сикаріи, подъ видомъ натріотизма занимавшіеся тайными убійствами изъ-за угла—объ убійствѣ Павла (Дн. 23, 14). Архіерей Ананія беретъ въ свои руки обвиненіе Павла предъ Феликсомъ (Дн. 24, 1) и Фестомъ (25, 2. 15), желая всячески добиться смерти ненавистнаго проповѣдника христіанства.

Фарисеи, напротивъ, ведутъ болѣе, такъ сказать, академическую полемику съ Христомъ и Апостолами. Они спорятъ: о постѣ (Мѣ. 9, 11—14 пар.), о характерѣ Христовыхъ чудесъ (9, 34 пар. 12, 24 см. пар.) о субботахъ (12, 2 сл. пар.), о разводѣ (19, 3 сл.), о Мессіи, о податяхъ Кесарю, о большей заповѣди и под. Господь обличаетъ ихъ въ номистической мелочности, бездушнѣйшей казуистики, во вѣншно-показной праведности, пустоствѣ, ханжествѣ, тщеславіи и пр. (Мѣ. 5—7 гл. и 23 гл.). Типичными представителями лучшаго и, такъ сказать, академическаго фарисейства въ Новомъ Завѣтѣ являются Никодимъ (Іоан. 3, 1 сл.), Гамалиилъ (Дн. 5, 34), синедрионскіе книжники фарисейской партіи въ судѣ надъ Ап. Павломъ (Дн. 23, 9). Ап. Павелъ, какъ особый и „избранный сосудъ Божій“ (Дн. 9, 18 Гал. 1, 15, 16)—исключеніе. Какъ въ прежнемъ образѣ жизни своей въ іудействѣ онъ до чрезмѣрности (*κατ' ἔκτατον*), необычайной даже для саддукеевъ жестокости, гналъ Церковь Божию и оустошалъ ее, и преуспѣвалъ въ іудействѣ болѣе многихъ сверстниковъ въ родѣ своемъ, будучи необычайнымъ ревнителемъ отеческихъ своихъ преданій (Гал. 1, 13—14 Филип. 3, 5), такъ напротивъ и тогда, когда Богъ открылъ въ Немъ Сына Своего, чтобы онъ благовѣствовалъ Его язычникамъ (Гал. 1, 16), и когда жилъ уже не онъ, а Христосъ жилъ въ немъ (Гал. 2, 20), Апостолъ обнаружилъ въ своихъ посланіяхъ полную противоположность фарисейству, какъ нравственно-психологическую такъ и богословско-теоретическую. Саддукейское архіерейство не дало христіанству не только Павла, но и ни одного Никодима, ни одного Гамалиила. Дн. 6, 7 о низшихъ только *ἱερέων*, но луч. чт. *ιοδαίων*.

Для сравнительной характеристики фарисеевъ и саддукеевъ важно

сопоставить два мѣста изъ книги Дѣяній. Въ 15, 5 читаемъ: „Изъ секты фарисеевъ были нѣкоторые увѣровавшіе, говорившіе, что должно обрѣзывать ихъ (язычникковъ, принявшихъ христіанство) и возвѣщать (имъ) блюсти законъ Моисеевъ“, кои однакожъ послѣдовали общесоборному рѣшенію вопроса, несогласному съ ихъ желаніями. А въ 19, 13—16 сообщается: „Пытались даже нѣкоторые изъ скитавшихся іудейскихъ заклинателей называть надъ имѣющими духовъ злыхъ имя Господа Іисуса, говоря: заклинаю васъ Іисусомъ, Коего Павелъ проповѣдуетъ. Это дѣлали нѣкіе семь сыновъ іудейскаго архіерея Скевы. Но злой духъ сказалъ въ отвѣтъ имъ: Іисуса я знаю и Павелъ мнѣ извѣстенъ, вы же кто? И бросившись на нихъ человекъ, въ комъ былъ духъ злой, осиливъ ихъ всѣхъ превозмогъ надъ ними, такъ что нагими и избитыми они выбѣжали изъ дома того“. Тамъ—вѣра во Христа и подчиненіе своихъ личныхъ симпатій и желаній общесоборному голосу Церкви во имя Любви Христовой. Здѣсь—желаніе использовать Христа для личныхъ и мамонослужебныхъ интересовъ, безъ вѣры въ Него,—однимъ магическимъ и пустозвоннымъ произнесеніемъ Святаго Имени.

Въ заключеніе замѣтимъ, что саддукейско-архіерейская секта, пятавшаяся халтурами іерусалимскаго богослуженія, съ уничтоженіемъ храма сама собою должна была прекратить свое существованіе (сообщеніе Маймонида о существованіи въ его время саддукеевъ въ Египтѣ подъ именемъ Караймовъ не заслуживаетъ довѣрія). Ср. еще Авотъ р. Нава на ред. 1 гл. 5 и ред. 2 гл. 10 Пер. стр. 23 и 128: Антигонъ изъ Сохо получилъ отъ Симеона Праведнаго ученіе о томъ, что добродѣтель не вознаграждается, которое вопреки фарисеямъ продолжали Садокъ и Бозтусъ, основатели секты саддукеевъ и бозтусеевъ, противоположной фарисеямъ, учившимъ о будущемъ мздовоздааніи. Напротивъ фарисеи продолжали каноническо-экзегетическую и богословскую работу надъ ветхозавѣтной Библіей и создали обширную раввинско-фарисейскую литературную школу, доселѣ властную среди настоящаго іудейства своимъ авторитетомъ. Что же до ессеевъ, то они, по всей вѣроятности весьма рано, въ первомъ же вѣкѣ, къ концу его, перешли въ христіанство. Свидѣтельства Филона, Плинія и др. нѣк. о ессеяхъ и терапевтахъ опускаемъ, какъ не представляющія интереса для ближайшей задачи нашей.

Синедріонскій судъ надъ Христомъ возстановленъ нами по фарисейско-раввинскому источнику. Но фарисейскій уголовный кодексъ былъ дѣйствующимъ, какъ это видно изъ приведенныхъ свидѣтельствъ, что саддукеи, даже противъ воли, вынуждены были слѣдовать фарисейскому праву. Ant. XVIII, 1, 4 Niese IV, 143 § 17, приведено выше на стр. 40, *Нидда* Мишна IV, 2, Тосефта и Вавил. 33 *b* на стр. 45 и Сифра, Тосефта и Пал. и Вавил. Гемары къ Іомѣ на стр. 47. Самъ Іуда не могъ быть изъ саддукеевъ, ибо они не вѣрили въ мессію и не раввинствовали. По всему видно, что онъ былъ фанатико-фарисейскаго и зилотскаго настроенія, потому долженъ былъ имѣть фарисейское представленіе объ уголовномъ процессѣ и ждать фарисейскаго суда надъ Христомъ.

М. Муретовъ.

(Продолженіе будетъ).